

30
СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ

802-11

и

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

209

Ж У Р Н А Л Ъ, 34

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ВОЕЙКОВЫМЪ

и

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL IV

ЧАСТЬ СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА

1822.

Каждый день, кромѣ воскресныхъ и годовыхъ праздниковъ, будешь выходить по прежнему поллисна печашныхъ, а иногда и болѣе. Въ печеніе первыхъ—3 мѣсяцевъ пекущаго года будешь выходить по цѣлому печашному листу, или по два нумера въ день; въ нихъ помѣсячяся и всѣ вновь выходящія Высочайшіе приказы и всѣ съ 1 Января въ С. Петербургскихъ Академическихкихъ Вѣдомостяхъ заключающіеся. Сіе соспавишь полное оныхъ собраніе для получающихъ *Инвалиды*.

Первые два нумера выйдуть 20 Марша. Цѣна годовому изданію, (соспоящему изъ 153 печашныхъ листовъ или 306 номеровъ,) здѣсь въ С. Петербургѣ 35 руб, а съ пересылкою во всѣ другіе города Россійской Имперіи 40 руб; полугодовому же (съ 1 го Января по 1-е Юля) въ С. Петербургѣ 20 рублей а съ пересылкою 22 руб. 50 коп. За доставленіе въ дома прилагаешя въ годъ по 6 руб., въ полгода 3 руб.

Подписка оныхъ жителей С. Петербурга принимается въ магазинѣ брашьевъ Слѣнныхъ въ домѣ Кусовникова на Невскомъ проспектѣ, противъ Казанскаго Собора, а оныхъ иногородныхъ въ Почтовыхъ Коншорахъ и Экспедиціяхъ.

(II М а р т а .)

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А,

1822. № XI.

I. И С Т О Р І Я.

Истребленіе Кардикотовъ Али-Пашею, Визиремъ Яннинскимъ, въ 1812 году.

Али-Паша умѣлъ разными происками и злодѣйствами покорить всѣ города Албаніи. Въ 1812 году вся область Акрокеравнская была ему подвластна, кромѣ двухъ городовъ Аргиро-Каспрона и Кардики.

Въ Военномъ Искусствѣ, говоришь Макиавель, ничего нѣтъ легче того, чѣмъ казаться невозможнымъ. Городъ Аргиро-Каспронъ пользовался такою славой въ Албаніи, что его считали неприслупнымъ, какъ по выгодному мѣстоположенію, такъ и по храбрости жителей. Не смотря на то, лишь только войска Визиря показались подъ стѣнами, пресѣкли тѣченіе рѣкъ, доставлявшихъ оному воду, и разрушили мельницы, то городъ немедленно сдался на капитуляцію. Новая тактика Али-Паши ужасала

спойвъ его опивша, выходить изъ его чер-
тоговъ и спряхнувъ пылъ съ сандалій сво-
ихъ, возвратился въ пустынь, неуверенный
въ исправленіи Али-Паши, но довольный
тѣмъ, что изрекъ правду злодѣю.

К. Д. Цицановъ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Записки Доктора Саввы Большаго о приклю-
ченіяхъ его въ пѣлу у Киргизъ-Кайсаковъ
въ 1803 и 1804 годахъ. Съ замѣчаниями о
Киргизъ-Кайсацкой степи.

Предметъ экспедиціи, назначенной въ
1802 году по Имянному повелѣнію въ Буха-
рію, въ точности мнѣ неизвѣстенъ. Знаю

нущся къ Христианину, бѣшь съ ними вмѣстѣ
и здоровались съ нимъ, но не смотря на то,
что онъ фанатикъ, онъ не преслѣдуетъ инвер-
тевъ. Узнавши, чрезъ сорокъ лѣтъ по смерти
ошца своего, что сей послѣдній долженъ былъ
одному Греку дать сошь рублей, онъ сыскалъ
смейство его, и вручилъ оному съ проценнами
должную сумму. Онъ всегда отказывался при-
нять предлагаемые ему визиремъ дары, почи-
тая ихъ добычею хищенія и грабежа.

только то, что Имянному же Его Импера-
торскаго Величества Высочайшему Указу,
сосноившемуся въ 23 день Декабря 1802
года, ошкомандированъ я изъ Горнаго Ка-
детскаго Корпуса въ Бухарію, съ производ-
ствомъ жалованья по 1600 рублей въ годъ
Государшвенными ассигнаціями, и пожало-
ванъ въ Надворные Совѣтники. Въ непро-
должительномъ послѣ того времени присое-
диненъ я къ экспедиціи, порученной Свисти
Его Императорскаго Величества по Квар-
термейстерской части Поручику Якову
Гавердовскому, при кошоромъ находились
колоновожатые воспитанники Горнаго Ка-
детскаго Корпуса Григорій Ивановъ и Иванъ
Богдановичъ. Сверхъ нѣсколькихъ бумагъ,
ошъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Ми-
нистра Коммерціи, врученныхъ сему чи-
новнику, снабжены мы были и инструкціею
Императорской Санкшнелшербургской Акаде-
міи Наукъ.

Собравшись, какъ должно, 1803 года
Января 15, ошправились мы изъ Санкшне-
шербурга на почшовыхъ чрезъ Москву, Вла-
диміръ, Нижній Новгородъ и Казань въ Орен-
бургъ, гдѣ немедленно присоединены къ сей
экспедиціи Переводчики восточныхъ язы-
ковъ: (Толмачи) Коллежскій Ассессоръ Кук-
ташъ Виктяшевъ и Типулярный Совѣт-
никъ

никъ *Мурзалимъ Михайловъ*. Еще же прикомандированы къ ней 15 человекъ Оренбургскихъ козаковъ и 10 Тепшарей съ урядниками. Для провожанія избраны меньшей Киргизъ-Кайсацкой Орды Алимудинскаго рода, Тюрпъ-Кяринскаго отдѣленія Секундъ Маіоръ Султанъ *Ширгазы Каиповъ*, Спаршина Типулярный Совѣтникъ Мурза *Бураибай Ишкининъ*, *Дюнанча-бій* и другіе; Куламановскаго: *Кульбабекъ*, *Каралтай*, племянникъ *Біл*; Чумекейскаго: Мурза *Идига*, сынъ Курень-Башыра, *Салиъ Каратаморъ*, *Канабай* и другіе: всѣхъ до двадцати пяти человекъ, исключая извозчиковъ.

Къ сей же экспедиціи, не знаю почему, присоединенъ былъ купеческій караванъ съ разнымъ поваромъ на двѣсти тысячъ рублей.

Караванъ нашъ состоялъ изъ сто верблюдовъ, навьюченныхъ купеческими товарами, разными казенными вещами, провіансомъ и собственнымъ багажемъ. Въ числѣ казенныхъ вещей, кромѣ шѣхъ, которыхъ назначены были для подарковъ Бухарскому, Хивинскому и Кабульскому Ханамъ, находились: хронометръ, барометръ, различные термометры, ящикъ съ хирургическими инструментами, ящикъ съ лекарствами, электрическая машина, спашивы краснаго дере-

ва, окпантъ, аспролябія и пр. Въ числѣ собственныхъ: сундуки съ платьемъ и бельемъ, до 200 различныхъ учебныхъ книгъ, и собственные мои докуменпы и рукописи, до врачебной части касающіяся. Киргизцевъ съ извозчиками было 44, нашей же свиты 50 человекъ.

Юля 30 вступили мы изъ Орской крепости, продолжая путь по берегамъ рѣкъ Ори и Иргиза, черезъ урочища: Тасъ-Кичу, Базаръ-Бига, Камшаклы, Ачила-Бушакъ, Чидеръ-Хашканъ, Бисъ-Агачъ, Казыль-Кайнъ-мамышъ, Копаръ-шасъ, Бисъ-мула, Карасай, Бисъ-шау, Караадыръ, Тюмень-куль, Синалы-кналы-куль, Жыманъ-куль, Акшасъ-куль, Кулакачи-баръ-бій, Варбій-куль, Таллы-куль, Каракуга, Боспай-куль, Тюгусъ-куль, Косъ-конгуръ и проч. Благополучно вступили въ Каракумъ (черные пески), которыми, пришедъ на урочища Берилы, Парчакумъ, Жармягыль-Калмасъ-шау, Кирганъ-шусъ, Конгуръ-пюбл, *) Музь-біиль и Бисъ-кай-варъ, достигли чрезъ другую часть песковъ Деніекъ кума (края песковъ; но не дошедъ еще до рѣки *Сыри* на полшора дни верблюжьяго хода, что соснавши около

*) До Конгуръ-пюбл растенія называются бѣлыми (акъ-чопъ), а далѣ черными (кара-чопъ).

75 верстъ, узнали опъ нарочно нами впередъ посланныхъ, что тамъ собралось великое множество разбойниковъ меньшей Орды Засырскаго, Чикшинскаго оцдвленія, копорые будно бы опъ Султана, Абулгазы Каипова, признаннаго опъ нихъ Ханомъ, главныхъ Спаршинъ, Жинназара, Жинзака, Кожувергена, Ушюгуна и другихъ Беевъ были посланы съ приказаніемъ не пропускать насъ за рѣку Сырь въ городъ Бухару. Посему и принуждены были мы возвратиться съ возможною поспѣшностію, идучи день и ночь на ушомленныхъ лошадяхъ и верблюдахъ, что было 7 числа Сентября поушру. Киргизцы, услышавъ о нашемъ возвращеніи, не преминули за нами слѣдовать въ погоню разными дорогами. Почти двои сушки они за нами гнались, и въ послѣднюю ночь слышно уже было ржаніе лошадей, смѣшанное съ прерывающимся крикомъ, раздававшимся на ушренной зарѣ. По мѣрь приближенія ихъ, явственнo можно было различать пылъ, копорая столбомъ поднималась, наконецъ ошущишелень былъ и самый лошадиннй поношъ.

9 числа, при восхожденіи солнца, не успѣли еще пройти урочища *Музъ-Виль*, окружили насъ сіи разбойники, и сдѣлали жестокій ударъ, (обыкновенное нападеніе Киргизцевъ). Топчасъ началась перестрѣлка съ

обихъ споронъ. Между тѣмъ небольшая часть набздниковъ, бросаясь спремительно въ нашъ караванъ, выхватила нѣсколько верблюдовъ, навьюченныхъ поршальными шюками и водою, съ великимъ проворствомъ. Въ то же самое время волашые извошики, забравъ своихъ лошадей и верблюдовъ, насъ оставили. Вся наша свина соспоала шогда изъ 50 человекъ. Мы, въ шоль маломъ числѣ людей, сколько возможно было, въ шоль день оборонялись. Съ прошивной спороны убишъ былъ одинъ Киргизецъ; съ нашей ранено 5 человекъ, кромъ вышеозначенныхъ Мурзы, Буранбая Ишкинина, раненаго въ ногу и Куль Бабека, копораго Киргизцы, поймавъ, били нещадно нагайками. День былъ жаркій и сухой, а воды ни одной капли. Хотя сраженіе было оставлено, но несстерпимая жажда мучила насъ, ашакованныхъ, гораздо больше, нежели нападеніе самыхъ Киргизцевъ. Они расположились кругомъ нашего каравана, мы жъ въ шу пору сдѣлавъ изъ шюковъ порядочное укрѣпленіе, на подобіе *вагенбурга*, шрудились изо всѣхъ силъ достать воду, копая яму во всю ночь безъ всякаго успѣха. Люди, изнуренные симъ шщепнымъ шрудомъ, шомаясь опъ жажды, не спавъ цѣлую ночь, насилу могли спощь на погахъ; да и Киргизцы также не спали, шрудаясь надъ соби-

раніемъ хворосна, изъ кошораго дѣлали они шурь. Между шѣмъ, во всю сію шемную ночь горѣли коспры, нарочно опъ нихъ зажженные, для шого, чшобы кшо нибудь изъ насъ не ушель; но болѣе, кажется, для малячнаго знака шѣмъ ворамя, кошорые ѣхали другими дорогами. Въ семь-шо бѣдшвенномъ состояніи засналь насъ десяптый день Сентября, споль спрашпный п ужасный въ послѣдшвіи. . . . Онъ сполько же былъ жарокъ, какъ и прошедшій, но несперпимая жажда мучила уже съ неизреченною жестокостію Скопище разбойниковъ опчасу увеличивалось; со всѣхъ почти споронъ цѣлыми шолнами скакали Киргизцы наперерывъ, дабы успѣшь чѣмъ нибудь поживишься, и наконецъ собралось ихъ болѣе двухъ шысячь. Предводишель сей шайки, бѣгалый Башкирецъ *Садитъ Кирей*, приближенный Ханскій Совѣшникъ, и другой Чумекайскаго ошдѣленія *Байгунды-бій*, извѣспный разбойникъ, допущены были въ нашъ городокъ въ видѣ посланцевъ для переговоровъ, (парламеншерами . Предшавляя будто убишо у нихъ нами шесть человекъ, прѣбовали они *куну* (удовлешворенія крови) за каждаго по 1000 червонцевъ, почему, безъ всякаго сопрошвленія, ошданы имъ были 6000 Голандскихъ червонцевъ; сверхъ шого

нѣсколькo кусковъ сукна, мѣховъ, кожъ, и множество другихъ вещей. Пошомъ безсозвѣспные сіи депушаны, какъ будто спарались опоглапъ сіе сонмище, говоря: *каитъ!* (прочъ), между же шѣмъ по видимому еще болѣе подеспръкали въроломныхъ Киргизцевъ къ нападенію.

Часу въ четвершомъ по полудни, несказанное множество грабителей со всѣхъ споронъ приближилось къ нашей крѣпости, шакъ, чшо лошади ихъ положили свои морды на наши шюки, составлявшіе спѣну.

Злодѣи, видя жестокое наше мученіе опъ жажды, привозили, и какъ будто шайно опъ другихъ, нѣсколькo грязной, соленой и вонючей воды, и за шакую малоспъ мы плащили имъ дорогою цѣною. Небольшую чашку черной сей воды, спойвшей два червонца и болѣе, надобно было дѣлпшь на 50 человекъ. Какое ужасное и крайпей жалоспи досшойное зрѣлище! Пшптьдешпшь человекъ, окруживъ держащаго чашу, шолняпся наперерывъ, вышѣсняя другъ друга, дабы опшвѣданы спхъ драгоценныхъ капель; — между шѣмъ не могущій приближпшься, кричпшь; „башюшки! вѣдь шопъ-шо уже въ другой разъ подходишь, а я еще ни одного раза не пилъ!“ Другой, шопищійся опъ жажды, вопіешъ къ держащему чашку, будучи въ горесши и оп-

чаяніи: „дайте мнѣ хотя обмакнуть персть дабы оспудить языкъ мой! мочи нѣтъ, смерть моя!“..... Можно ли было сморщитъ другъ на друга безъ жалости и ужаса! У всякаго видъ былъ унылый и пощій, глаза впадые и блестящіе ошъ наверхывающихся слезъ; языкъ сухъ, какъ лубокъ, губы пересмякли, крайняя слабость въ членахъ и проч. Словъ нѣтъ изобразить мученіе, которое бываешъ написано на лицахъ ошъ жажды умирающихъ людей!

Когда уже не видно было ни малѣйшей надежды къ спасенію, рѣшились мы напоследокъ, оставивъ спать нашъ, забравъ съ собою самыя нужныя бумаги. Только что начали было совѣшоваться другъ съ другомъ о семъ последнемъ и крайнемъ предпріятіи, какъ вдругъ, облегли насъ со всѣхъ сторонъ непріятели ударили по лошадямъ, и, при поднявшейся пришомъ ужасной пыли, посыпались черезъ сѣтну съ крикомъ и визгомъ, валясь другъ на друга. Какой спукъ! какой шрескъ! Рубашъ, ломающъ, рвущъ, бросающъ. и въ одно почши мгновеніе все было расшашено. А я, злосчастный, какъ бы осужденный Провидѣніемъ на жестокое мученіе, не имѣя въ рукахъ никакого оружія, и не успѣвъ прошъсниться сквозь спрашную еію шолпу, бивъ раненъ въ голову саблею,

упащенъ испушленнымъ Киргизцемъ, кошораго имя Алшынъ-Бай-Хуазюкъ.

(Продолженіе впредъ.)

III.

РОССІЙСКАЯ ИСТОРИЯ.

БЮГРАФИИ РОССІЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

(Продолженіе.)

Андрей Лызловъ, жившій во второй половинѣ 17 столѣтія, сочинилъ *Скивскую Историю* въ пяти книгахъ, изъ коихъ въ 1-й собралъ онъ извѣстія объ Ордынскихъ, Казанскихъ и Аспраханскихъ Ташарахъ; во 2-й о Крымскихъ и о Туркахъ, по порядку ихъ Сулшановъ, со шпаншическими на концѣ замѣчаніями о Турецкой Имперіи; въ 3-й повѣштилъ описаніе Констаншинополи и разныхъ Сулшанскихъ въ ономъ учрежденій, обыкновеній, обрядовъ придворныхъ и публичныхъ и разныхъ случаевъ и проч. Сію книгу свою Сочинилъ почерпалъ наипаче изъ Латинскихъ, Польскихъ и своихъ ошечшвенныхъ Писателей, и вездѣ указалъ источникъ свои, а шрешію часшъ оной всю

можно ъздишь и перевозишь шовары съ великою скоросью.

— Цоршь Каллао, близъ Лимы, сдался инсургентамъ, пошерявъ 1040 человекъ, умершихъ во время осады съ голоду.

(Изъ Галб. и Берл. В., St. Pet. Ztg. и Cons. Imp.)

VII.

С М Ъ С Б.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Почтенный сотрудник мой, Александръ Федоровичъ Воейковъ, принявъ на себя изданіе *Рускаго Инвалида* (см. 10 кн. С. О. стр. 141), прекращаешь участіе свое въ изданіи *Сына Отечества*. Принося ему искреннее благодареніе за спашьи, кошорыми онъ украшалъ Журналъ мой, и за пособіе, которое онъ оказывалъ мнѣ въ трудахъ моихъ, извѣщаю почтенныхъ моихъ читателей, что я ошнывъ ошпаюсь по прежнему одинъ Издапелемъ сего Журнала. Приглашая любителей Словесности украшать Журналъ сей своими произведеніями, прошу ихъ ошправлять впредь всѣ спашьи для Сына Отечества, равно какъ письма и пакеты, на мое имя *).

Николай Греть.

При сей книжкѣ раздается No 6 *Литературныхъ Прибавлений*, въ коемъ содержится Повѣсти: *Приданое* и *Кранзакскій постоялый дворъ*, и Анекдоты.

(18. М а р т а .)

*) Адресъ: въ типографію Надв. Сов. Греча, въ большой Морской, въ домѣ Г. Косиковскаго подъ No 84.

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А.

1822. № XII.

I.

С О В Р Е М Е Н Н А Я И С Т О Р І Я.

О в о з р ѣ н і е 1 8 2 1 г о д а .

Исторія прошедшаго года представляеть намъ плачевную картину неустройства и мятежей во многихъ частяхъ Европы и Америки. Бурному сему волненію были положены преграды въ Неаполь; но духъ безпокойства, упорно стремящійся противъ существующаго нынѣ порядка гражданскихъ обществъ, пошрясь югозападную и юговосточную Европу, распоргъ слабыя узы, связывавшія оную съ швердою землею Америки, и силится изъ разрушительныхъ началъ составить тамъ большія самобытныя Государства. Духъ необузданности республиканской ознаменовалъ преимущественно прошедшій годъ, и недавній опытъ, показавшій намъ, что республиканскія правленія, на мечтахъ свободы и равенства основаныя, скоро приводятъ обольстившія ими

ниченная власть его была еще больше спешена. Король согласился на все, чего от него требовали, присягнувъ въ вѣрности Конституціи въ собраніи Кортесовъ 4 Іюля, и назначилъ новыхъ Министровъ. Съ сего времени спокойствіе не было уже нарушаемо въ Лиссабонѣ; только въ день праздника начала Португальской революціи, 24 Августа, народъ разбилъ окна въ домахъ Папскаго Легата и Австрійскаго Генеральнаго Консула за то, что они не были освѣщены. Не получивъ требуемаго удовольствія, бывшіе въ Лиссабонѣ Посланники и дипломатическіе агенты оставили Португалию. Между тѣмъ Кортесы продолжали свои совѣщанія о Конституціи, послѣдствія коихъ не могутъ быть пріятны для Короля. Сей, прежде столь богатый Государь, теперь часто не имѣлъ денегъ собственно для своей особы. Къ тому присоединились неблагопріятныя извѣстія изъ Рио-Янейро, гдѣ Наслѣдный Принцъ 6 Іюня, по требованію депутаціи, присланной отъ собравшихся на площади Росціо войскъ, далъ присягу новой Конституціи, а въ слѣдующій день, при мятежныхъ движеніяхъ войска, повпорилъ ее въ присуществіи Юнты. Преждебывшаго своего Министра Дона Аркоса долженъ онъ былъ смѣнить и отправивъ въ Лиссабонъ,

гдѣ онъ, пошчасъ по прибытіи, былъ посаженъ въ Белемскую башню. Съ тѣхъ поръ было въ Бразиліи нѣсколько покушеній низпровергнувъ настоящій порядокъ вещей. Въ Багії и въ Пернамбукъ часъ отъ часу болѣе открывался духъ республиканства и намѣреніе, сдѣлать изъ Бразиліи особое, независимое отъ Португаліи, вольное Государство. Приведеніе въ дѣйство сего плана было однако жъ уничтожено посланными туда изъ Рио-Янейро войсками. Едва ли впрочемъ Бразилія останется надолго принадлежностію Португаліи!

(Продолженіе впрѣдъ.)

П.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Записки Доктора Саввы Большаго о приключеніяхъ его въ пльну у Киргизъ-Кайсаковъ въ 1803 и 1804 годахъ. Съ замѣчаніями о Киргизъ-Кайсацкой степи.

(Продолженіе.)

Выѣхавъ на просторное мѣсто, Киргизъ слѣзъ съ лошади, снялъ съ меня плащъ

и обобравъ, что было у меня, оставилъ въ одной рубашкѣ, не снимая съ шеи плашка, также парусинныхъ дорожныхъ шароваръ и сапоговъ. Попомъ повалилъ меня на землю, и уцѣршись коленною въ грудь, вынулъ ножъ, тошюясь перерѣзать мнѣ горло. Праведный Боже! увидя ножъ въ рукахъ, сверкающіе и кровью налипые глаза, оцѣпенѣлъ я, думая что конецъ жизни моей приближился; прочель, какія могъ вспомнить молишвы, и просилъ у Бога опущенія грѣховъ. Опщаясь болѣе видѣшь благая живущихъ на земли, и не издавая ни малѣйшаго голоса, но въ глубокомъ молчаніи, зажмурилъ я накрѣпко глаза, и списнувъ зубы, дожидался смерти. Неисповый *Алтынг-Бай*, видя меня объапаго великимъ страхомъ, все какъ будто пригошюлялся еще къ безчеловѣчному сему пошунку, съ безпрестаннымъ мурчаньемъ и бормошаньемъ, хватая одною рукою за шею, другою прикладывая ножъ. Осшавя сіе дѣйствіе, началъ сыпать песокъ на мою голову; насыпавъ довольно, прикрывъ чѣмъ-то оную, и вкорѣ опять снявъ покрывало, вскричалъ: *туръ!* (вспань), поднимая меня за ворощъ. Повинуясь всякому его мановенію, я вспалъ, гляжу на него съ шренешомъ и дождаюсь приказанія. Тутъ взялъ онъ веревку, и связавъ мнѣ руки назадъ, посадилъ

на лошадь, самъ на нее же сѣлъ и поѣхалъ далѣе. Проѣхавъ вершны двѣ, слѣзъ съ лошади, спацилъ меня, и поваливъ опять на землю, вынулъ ножъ и хошѣлъ какъ будто рвать. Я равнымъ же образомъ списнувъ зубы и зажмурилъ глаза, ожидалъ рѣшительнаго окончанія. Ни что уже меня въ сіе время, правду сказать, не шревожило: ни безвременное и внезапное разлученіе съ симъ прелестнымъ міромъ, ниже самое сосшюаніе грѣшниковъ по шу спорону видимаго свѣта: одно полько воображеніе о боли, которую претерпѣлъ бы я, если бѣ онъ спалъ рвать, приводило меня въ неизьяснимый ужась. Чувешюя, что сыплешся вшорично песокъ на голову и кладешся покрывало, не зналъ я, что подумашъ. Не погребаетъ ли онъ меня? сказала я самъ себя, или производитъ по своему суевѣрію какое нибудь очарованіе? Попомъ, схватя съ носшюшностію покрывало, приказалъ онъ мнѣ опять вспашъ, говоря: *туръ!* но видя, что я не могу подняться по шой причинѣ, что руки у меня связаны, пособилъ онъ мнѣ вспашъ, и посадивъ опять на лошадь, поѣхалъ въ рядъ съ прочими. — Мы проѣхали такимъ образомъ еще вершны двѣ. Тутъ приближилось къ намъ нѣсколько Киргизцевъ, кошорые, схвативъ меня, спацили съ лошади, и, одинъ держа за ногу, другой за дру-

гую, пшнули всякъ къ себѣ на всемъ конскомъ скаку. Голова моя свисла къ лошадинымъ ногамъ и неоднократно ударяема была копытами. Они жѣ, между шѣмъ, разорвавъ на мнѣ рубашку и сорвавъ плашокъ, гайшаномъ на шеѣ чуть было меня не удавили. — Туть-шо я думалъ, что истинная кончина жизни моей приспѣла! Не знаю, какъ то выпала я у нихъ изъ рукъ, и ожидая, что вся сія шолпа черезъ меня пройдетъ, лишился чувствъ; обшупившіе Киргизцы, поднявъ меня, поставили на ноги. Одинъ молодой человекъ, стоявшій передо мною, вынулъ ножъ изъ ноженъ, и показалъ мнѣ, держа его концемъ въ верхъ. Пошомъ подошелъ ко мнѣ другой Киргизецъ по имени *Сиркабай*, сынъ *Бил-Устогуна*; распушавъ мои руки, назадъ связанныя, и сложа ихъ на креснѣ перекрутилъ онъ ихъ волосяною жѣ веревкою спереди; пошомъ посадивъ меня на верблюда, самъ на него же сѣлъ, пролѣзши одѣтый со всемъ своимъ шуловищемъ сквозъ связанныя мои руки, шакъ, что я повисъ на немъ, чувствуя боль несперпимую. Ручные пальцы зашекли, окоспешѣли и не имѣли никакого движенія. Кричу я, что еспь силы: *руки! руки!* а онъ безчеловѣчный, не понимая моихъ словъ, ни мало не внималъ ужасному моему крику. Верспѣ

около пшнадцати шакимъ образомъ онъ вхалъ, и я думалъ, что конечно при самомъ еще началѣ полоненія ударомъ въ голову саблею, лишень я былъ жизни, и, находясь въ царствѣ мершвыхъ между бѣсовскимъ сонщицемъ, преданъ на вѣчную муку. Боже Великій! говорилъ я самъ себѣ: неужель никогда не кончится сіе несносное мученіе? Такъ было больно, шакъ мучительно! — Произносимыя мною слова: *Аллай худай!* (имена Божіи) не смягчали безчеловѣчныхъ. Треклятыя изувѣры, желая болѣе усугубить мою гореспѣ, дѣдали всякія язвительныя насмѣшки и ругательства. Иной, скача во всю конскую прынь, и гикнувъ во все горло, какъ будто насквозъ хотѣлъ проколотъ пикою; другой замахивался саблею, и какъ будто хотѣлъ разрубить пополамъ. Нѣкоторые ударяли плешью по обнаженному шѣлу, иные же шыкали ножемъ въ горло, въ зубы, въ глаза; другіе плевали въ лице, дѣлая различныя кривлянья. — Ошѣ мучительной и несносной боли неоднократно принимался я задерживашъ духъ, дабы прекрапшить симъ обращеніе крови, или задушиться, но не могъ. Также не можно мнѣ было въ опчаяніи и укусить за спину моего ширана, ибо былъ онъ въ шеганомъ халашѣ и армякѣ.

Но сколь ни огорчительно было пернѣшь такую пышку, нѣшь безъ внушрениаго смѣха не могу вспомнишь о различныхъ ихъ дурачествѣхъ. Иной волокомъ шащилъ шюкъ, другой волочилъ по песку сундукъ и прочія вещи; одинъ же шащилъ подспрѣленную лошадь, привязавъ ее веревкою за хвостъ своего коня. Сверхъ того непрерывная происходила драка: одинъ силмаса опниашъ шо, чшо имѣлъ другой, и проч.

Когда уже довольно смерклось, поднялся преспрашный шумъ и крикъ. Всюду было видно блиспаніе искръ, производимыхъ *чакмаками* (огнивами); между шѣмъ, ужасной гаркь, имана: ай *Сиркабай!* ай *Алтынъ-бай!* *Жинтасъ Култасъ!* и пр. наполняли всю мрачную атмосферу. Съ чѣмъ можно было сравнишь сіе спраха и ужаса исполненное позорище! Оно было совершеннымъ изображеніемъ ада. Въ сей день опгѣхали мы всего версѣ двадцать, и остановилися въ шепи.

Нельзя было освободишья моему мучишелю, не развязавъ прежде моихъ рукъ; онѣ были шакъ крѣпко скручены и запушаны, чшо неможно было развязашъ узловъ безъ помощи ножа, кошорымъ принуждены были перерѣзашъ веревку, а я, получа неожидаемое облегченіе, почувешвовалъ такую ра-

достпъ и удовольствіе, какъ будто ужъ въ раю находилса. Пролившиися обильно слезы увѣрили меня, чшо Богъ простилъ мои грѣхи. Самыя звѣзды казались мнѣ свѣтлѣе, и самое обращеніе съ Киргизцами сдѣлалось для меня гораздо сноестѣ. Въ сію незабвенную минушу, ощушия безприкладное Божіе милосердіе, движимый духомъ Вѣры, немедленно дадь я шайный обѣшь Всевышнему, не налагать на себя рукъ, но съ покорностію и перпнѣмъ переносишь тяжкое бремя невольничества.

Недовольно того, чшо я кругомъ почши вовсе былъ обобранъ, и не смотря на шо, чшо я весь въ ихъ рукахъ, прѣхавъ на сіе мѣсто, по разведеніи огня, не оставили спашцишь съ меня и дорожныхъ моихъ сапоговъ. Зависпльивый *Сиркабай* сколь шщательно ни спаралса напялишь ихъ на косоладвыя свои ноги, но видя, чшо въ сапогахъ моихъ полку мало, пошому чшо они шѣсны, бросилъ ихъ съ негодованіемъ обратню къ ногамъ моимъ: иначе долженъ бы я былъ ишпи босой по ошрымъ каменьямъ и колючимъ расшенямъ. — Пошомъ собралось ихъ около меня человекъ съ десятокъ: разспащивали мою раненую голову и изрѣзанныя веревкою руки, и, какъ примѣшно было, не безъ сожалѣннй. Въ пошъ же часъ, принесли гряз-

ныя и запачканныя пряжки, обвершлы мою голову и руки; между шѣмъ надѣли на меня спаренскій *чапанъ* (халашъ). Во все сіе время, сидѣлъ я у огня, пошому что ночи довольно уже были холодны.

Замѣтя, что я нѣсколько пообогрѣлся, надавали мнѣ Ташарскихъ вапрушекъ, копорыя ѣлъ я съ апешимомъ; попросилъ пишь, указывая на *кожаный мѣшокъ* съ водою (шурсукъ) и на свой рошъ, въ чемъ также удовлетворили хотя мало, можешь бышь для шого, чтообъ не запалишь меня, или и у самихъ пишьа было не много. После шого, подчивали меня еще вапрушками, копорыхъ однакожь сами не ѣли, почипая за скверное: ибо они не знали, что сіи масляныя лепешки были Ташарскія, но думали, что Рускія, да припомъ они къ шаквому хлѣбу и не привыкли.

На ночь сковали меня лошадиными желѣзами, и я спалъ въ нихъ спокойно.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

III.

АНТИКРИТИКА.

О П Р А В Д А Н І Е Г. Б Е Л Ъ З О Н И.

Г. Бельзони, прибывъ въ С. Пешербургъ, узналъ, что на его счетъ напечатана спашья въ 1 и 3 нумерахъ Сына Отечества нынѣшняго года *). Онъ считаешъ обязанностію

*) Вопшъ сіи два мѣста:

Кн. 1, стр. 27. „На другой день посѣтили мы вшорую пирамиду. Г. Бельзони, проникшій въ нее вмѣстѣ съ Каирскими любителями древностей, хвалился симъ опшажнымъ и великимъ подвигомъ. При входѣ и въ Царской комнатѣ онъ украсилъ стѣны надписями, въ копорыхъ хошѣлъ сказашь, что онъ открылъ сію пирамиду (Scoperta da Giovanni Belzoni il 2 Marzo 1818). Онъ сдѣлалъ еще болѣе: сосавилъ актъ въ Канцеларіи Англійскаго Консула въ Каирѣ, чтобы въ пошомсшѣ утвердишь славу свою, какой не удостошовалялся еще ни одинъ изъ *фиглярровъ* въ свѣтѣ.“

Примѣчаніе въ книж. 3 стр. 122. „Сочинилъ спашья: *Посѣщеніе пирамидъ*, бывши въ Египтѣ, имѣлъ случай узнашь, что Бельзони опшюдь не споишь шой славы ученаго Антикварія, копорю онъ самъ себя восписалъ въ книгѣ, изданной въ Лондонѣ подъ именемъ его жены. Англійскій Генеральный Консулъ въ Египтѣ, Г. Сальшь, человекъ умный и почтенный, по рекомендаціи шамошняго Французскаго Консула, Г. Дровешши, опредѣлилъ его надзирашелемъ при Арабахъ, копорые, по его порученію, раскапывали землю

VIII.
С М Ъ С Б.

ИЗВѢСТІЕ.

Седьмая книжка *Сѣвернаго Архива*, Журнала Исторіи, Спашиспики и Путешествій, вышла 31-го Марша и раздаешся подписавшимся — Въ ней заключающія слѣдующія спашпи: *Исторія*: Записки Канцеляриси Рюмина о приключеніяхъ его съ Веніовскимъ (окончаніе); Грамоша 1583 г., описывшая Царю Іоанну Васильевичу отъ Англійской Королевы Елисаветы. *Географія*: Взглядъ на географическія изысканія еще не сдѣланныя, и о лучшихъ способахъ произвешъ оныя въ дѣйство. *Путешествія*: Возвратный путь Г. Сенковского изъ Египта чрезъ Архипелагъ въ Константинополь (Продолженіе). *Критика*: Опытъ крашкой Исторіи Руской Лишерапуры *Слѣсъ*: Разныя извѣстія. Къ сей книжкѣ Сѣвернаго Архива приложенъ раскрашенный рисунокъ, предспавляющій Новогреческаго морскаго Капитана, и разныя флаги Греческаго флота, споль блистательно подвизающагося противъ злобѣри и пиранства. Подписка на сей Журналъ продолжаешся по прежнему: въ С. Пешербургѣ принимаешся она во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, а иногородные могутъ адресовашся въ С. П. б. Газетную Экспедицію. Цѣна въ годъ (за 24 книжки) 40 р., а съ пересылкою и доставленіемъ въ дома 45 р.

При сей книжкѣ Сына Ошечества раздаешся седьмой номеръ *Литературныхъ Прибавленій*: въ ономъ содержашся Повѣсти: *Кранзакскій Поставль дзоръ* (продолженіе) и *Гогартъ во Франци*, и Анекдоты.

(1 А п р ѣ л я .)

С Ы Н Ъ
О Т Е Ч Е С Т В А .

1822. № XIV.

I.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Записки Доктора Саввы Большаго о приключеніяхъ его въ павну у Киргизъ-Кайсаковъ въ 1803 и 1804 годахъ. Съ замечаніями о Киргизъ-Кайсацкой степи.

(Продолженіе .)

11 числа, рано поднялись Киргизцы, и, раздѣлясь на партіи, пошли въ разныя стороны. Мы, по своему шракшу уклонясь гораздѣ, правѣ, и отошедъ верстѣ двадцать пять, также въ степи остановились. Въ семь мѣствъ нашъ опрядъ дѣлилъ свою добычу, разложи прежде все, что было, на три кучи. Я поснавленъ былъ въ одной цѣвѣ съ верблюдомъ, и по жеребью доспаелся въ шрешты руки.

Глаза мои видѣли, что въ печеніе чепырехъ дневнаго нашего пуши шакъ было все раздѣлено, что ничего въ цѣлости не оспалось. Сукна, выдровые мѣха, кожи и

Другія симъ подобныя вещи были изорваны въ мѣлчайшіе кусочки. Машематическіе инструменты, какъ то: ешапивы, аспролябіи, транспорширы, циркули и проч. шупъ же были всѣ переломаны и раздѣлены по маленькимъ шпучкамъ. — Иному доспался одинъ шолько винтикъ, другому маленькая бляшечка. Смѣшно было смотрѣть на раздѣленіе карманныхъ часовъ: одному доспалась крышечка, другому донышко фулярное; корпусъ былъ еще на малѣйшія часики разломанъ и раздѣленъ. Натуральныя проросши, серебряныя ложки и проч. все пополамъ. Словомъ ни одной вещи цѣлой не осталось, исключая писмолешовъ, сабель и кинжаловъ, да и шѣ на свой манеръ скоро были передѣланы. Однакожъ не великую выгоду получили Киргизцы въ разграбленіи сего каравана: ибо, кромѣ нѣсколькихъ нашихъ, ни къ чему почти для насъ негодныхъ вещей, большая часть купеческихъ поваровъ соспоела въ звонкой монетѣ, копорую Ташары, повѣренныя ошъ купцовъ, на сей разъ гораздо счастливѣе насъ, умѣли соблюсти ошъ расхищенія. По сему-шю нѣкоторые Киргизцы, загнавшіе своихъ лошадей въ преслѣдованіи, насъ же въ шомъ починали виновными, ибо, говорили они: шакой-шю и шакой-шю ободралъ свою лошадь, спойвшую по край-

ней мѣрѣ 60 или 70 рублей, а прибыли не болѣе получилъ, какъ на 60 или 70 копѣекъ. Слѣдовашельно де Россія, не токмо не имѣетъ права взыскивать разграбленнаго, но должна еще заплашишь имъ за сіи убытки!

Проходимыя мѣста были болѣею частью песчаныя, поросшія различными степными кушочками, солончаки солеными прами; наослѣдокъ попадались болоншныя мѣста, покрышыя болоншымъ камышемъ.

Къ *Сырѣ-дарыѣ*, (рѣка Сыръ, въ древности *Яксартъ*,) прибыли мы 13 числа въ полдни. Здѣсь при цовомъ раздѣлѣ, попалъ я въ четвершыя руки, и доспался самому негодному роду Киргизцевъ, называемыхъ *Телеу*, что въ шой споронѣ даже слѣдующею пословицею подтверждается: *утѣ жямакъ силеу, иль жямакъ телеу*; (какъ худа права силеу, шакъ худъ родъ телеу).

На четвершыя сунки четвершій мой хозяинъ, именовъ *Кожубекъ-Телеу-тайлякъ*, переправясь со мною чрезъ рѣку *Сырѣ*, въ лодкѣ на перевозъ *Казалы*, привезъ въ свой аулъ, находившійся тогда близъ урочища *Женгитѣ кала* или *Жянгитѣ тау*.

Какая была радость домашнихъ, когда увидѣли они сего вора приближающагося съ добычею! Мужчины, женщины, спарые и малыя собрались со всего аула и расмашрива-

ли, что ему досталось. Тутъ пошелъ новый дѣлежъ. Кому клочекъ, кому два, кому ничего, и, наконецъ исключая меня, оцѣненного въ 60 или 70 рублей, ничего у него не осталось. Во мнѣ же онъ, какъ послѣдствія показали, не получилъ ни малѣйшей прибыли.

Пока происходилъ у нихъ сей дѣлежъ, я сидѣлъ да смотрѣлъ; они же, не зная употребленія нѣкошорыхъ вещей, спрашивали меня, показывая ту вещь, но не получа вразумительнаго ошвѣта, смѣялись и удивлялись, что я не хощу говорить; другіе утверждали, что я нѣмъ; нѣкошорые полагали, что у меня совсѣмъ нѣтъ языка, и проч. Женщины и ребята съ удивленіемъ часто говорили на распѣвъ: *ай пай, кеше орусъ! адамумъ тильнъ бельмейде*, (а ахъ, какая глупая и безмозглая Руская тварь! человеческого языка не знаешь.) Далѣе: *Кора! кара! тиль жокъ*, (смошрика! у него языка нѣтъ). Между шѣмъ растворяюшъ мой рошъ и смотрять, есть ли у меня языкъ. Кто бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, нощъ можешь судить, сколько пріятно мнѣ было, изсохшему ню, сидѣть между красующимися кудрявою з денью деревьями! — Тогда шо самыя мрачныя и невыгодныя мысли овладѣли моею душою, и, безпрестанно на-

полюя воображеніе различными мечтами, наподобіе адскихъ фурій терзали удрученное печалію сердце; но заключенный договоръ, и частое воспоминаніе достоподражаемой жизни Христа Спасителя со святыми его Мучениками мгновенно разгоняли сію ужасную и шягопящую мглу горестныхъ размышленій. Къ названію показываемыхъ вещей, научился я кое-какъ въ непродолжительномъ времени; но глаголы и имена шакихъ вещей и лицъ, которыхъ показать нельзя, безъ переводчика понимать трудно. Изъ сего-шо и видно, что я большую часть времени провелъ шамъ въ безмолвіи.

Въ родѣ Телеу находился я около чепырехъ мѣсяцевъ, переходя изъ рукъ въ руки. Ежедневная моя должность состояла въ томъ, шшобъ рубить и собирать дрова, носить воду, шшопить кибишку, шшолочъ вареное и поджаренное просо, молотъ въ рукахъ кое-какія полусырыя зерна, чистить навозъ, котораго въ шеченіе двухъ или трехъ дней накопляется шшоль много (разумѣется зимою), что цѣлый почши день шшшребенъ на одно чищенье. Ежели и все сіе исполнено будешъ, шо на досугъ дадушъ кучу шерсти, кошорую, сидя, перебишь. Таковая работа не изнурила бы силъ, если бы порядочная и довольная пища была доставляема; но къ

несчастію тамъ господствуешь вѣчный голодь. — Пища невольниковъ состоишь наиболѣе въ жидкой *пустой* пшениной кашинѣ; (кара куже), копорой небольшую часть выишь даюшь полько на ночь. Поушру и въ полдень хорошо если дадушь горсть просяной *мякины* (шалканъ), копорую *булгапъ булгапъ жій!* (смѣшавъ съ водицею, кушай). Мясо весьма рѣдко, и то развѣ падалъ, (убитая хворая скошина передъ своею смернью); въ лѣтнюю пору и шого нѣшь. Кислое молоко (айрянъ) будучи смѣшано *пополамъ съ водою*, для невольника переходишь въ (чаланъ), хорошее *закисшее кобылье молоко*, (кумысь); смѣшанное съ проспымъ молокомъ и *водою* въ суамалъ или съ *айрянемъ* и *водою* въ косоршмакъ. Опъ несноснаго голоду время споль продолжительно, что одинъ день покажется годомъ; и я, живучи у сихъ варваровъ, не бывъ приномъ опъ роду брезгливъ, шакъ исхудалъ, что едва могъ волочить ноги. Кшо бы спалъ безъ нужды опнимаешь у собаки, унесенный ею какой нибудь кусокъ сыраго лошадинаго мяса и глашашъ, почти не жевавши! Голодь принуждалъ меня дѣлать шо неоднократно. Въ семь-шо бдѣспивномъ положеніи, часто приходида мнѣ на мысль Евангельская припша о скишавшемся по чужимъ спранамъ

блудномъ сынѣ, воспоминавшемъ благословенное состояніе родишельскаго дома!

Въ первыхъ числахъ Декабря спаларѣка *Сырѣ*, чрезъ копорую 5, 6 и 7-го всѣ роды и отдѣленія, кочующія около *Иргиза*, перешли со всѣмъ своимъ скотомъ по льду, уклонясь къ рѣкамъ *Куванъ* и *Жяны*, а съ 10-го сдѣлалась шакал прибыль воды, что выпуши изъ подоьда, она покрывла всѣ низменные мѣста, и чѣмъ сильнѣе были морозы, шѣмъ болѣе примѣтна была прибыль.

27-го Декабря Чикшынскій Ханъ *Абулгазы Каиповъ*, выручивъ меня изъ рода *Телеу*, взялъ къ себѣ съ шѣмъ, чтошбъ доставишь въ Россію. Здѣсь нашель я попавшагося въ плѣнъ начальничьяго деньщика *Никифора Васильева*, копорый находиася уже въ Ханскомъ ауль. Онъ за недѣлю передъ симъ взяшь былъ шакже Ханомъ у *Утсой-ла-бил*.

Состояніе Хана самое бѣдное: все его богатство состояло шогда въ осьми дойныхъ овцахъ, двухъ коровахъ, прехъ или чепырехъ верблюдахъ и одной лошади; напрошивъ шого у проспыхъ Киргизцевъ, какъ шо, *Жанзака* и *Каракубека*, штысячъ до десяти считаешся овецъ и штысячъ до пяти лошадей.

Слишкомъ пять мѣсяцевъ прожилъ я у Хана, пошому что вскорѣ по взятіи имъ меня уѣхалъ онъ на войну противъ *Каракалпаковъ*, и сказывають, будто признанъ и опъ нихъ Ханомъ, если только Ханское до-стоинство въ семь родъ людей составляетъ какую нибудь важность. — Какъ скоро Ханъ уѣхалъ, то и деньщика взяли назадъ прежніе его хозяева.

Жизнь мое здѣсь немногимъ было лучше, нежели и у бѣдныхъ Киргизцевъ. Всю зиму, продолжавшуюся около трехъ мѣсяцевъ, препроводили мы на одномъ почти мѣсцѣ близъ рѣки *Кувана*, при урочищахъ *Соръ-арыхъ*, *Чалбаръ* и *Бисъ-араль*. — Да и весь почти родъ сихъ разбойниковъ на зиму шуда собирается, поелику изобиліе камыша въ холодное зимнее время много имъ тамъ способствуетъ.

Нѣкоторые Киргизцы, узнавъ, что я Россійскій Докшоръ, выпрашивали меня у старшей Ханской супруги *Висай*, чтобы посмотришь больного. Только что пріѣдешь въ аулъ, здоровые и больные все поголовно приходять и дають руку, говоря: *таморумъ ста!* (подержи жилу). Послѣ того оглядывай, здоровъ ли кто или боленъ, не смотри на то, хотя бы наружная болязнь была. (Болязни же Киргизцамъ извѣстныя

суть: *горячка* (кельтѣ), *лихорадка* (кызылчѣ), *оспа* (куль, часакъ), которая весьма бываетъ рѣдко, *кашель* (шумсиу), *грудная болязнь* или *чахотка* (кукрюгъ), *поносъ* (исбару), *рвота* (кусеукъ), *любопытная болязнь* (меризъ), всякаго рода *раны* (жяра), *опухоль* или *водяная болязнь* (исыкъ), *короста* или *чесотка* (кошаръ), и проч.)

По мужниной жилѣ должно оглядывать болязнь жены его и дѣтей, хотя бы они были въ отсутствіи. — Сверхъ того о всякихъ приключеніяхъ и обстоятельствахъ, какъ по о счастлии и несчастіи и пр. лекаръ долженъ узнавать по жилѣ, а когда скажешь имъ, что по пульсу не все узнать можно, то говорятъ: какой же ты лекаръ! При всемъ томъ думаютъ они, что не только лекаръ, но и вообще всякой Рускій въ состояніи произвести самую сверхъестественную челоуку дѣянія, какъ по наприм. учинишь безвременно повсемѣсную спужу, пепалымъ день сдѣлашь, возбудишь спрашную бурю, пролишь дождь, навесшь и ошвесшь громовую шучу и проч.

Однажды призванъ былъ я къ Киргизцу, спрадавшему просбою горячкою. Осмотрѣвъ его, совѣтовалъ я ему пить кислое молоко, разведенное водою. Впрочемъ сказалъ, что у меня ни лекарства, ни инструмен-

время моего въ немъ жителъства (два мѣсяца), и даже во всю дорогу до Симбирска, или лучше сказать до Рязани. — Но съ другой стороны, сколь велико Божіе милосердіе, въ бѣдствіяхъ подкрѣпляющее! Во все время вевольничества, имѣя ошъ роду 34 года, будучи Медицины и Хирургіи Докпоромъ, Надворнымъ Совѣтникомъ, полунагой, чувствую всегда безмѣрный голодь, съ самую иногда глубокую осень безъ всякой обуви хаживалъ по колѣна въ водѣ рѣки Сыра, шаша нагруженную лодку; одинъ шолько разъ чувствовалъ небольшую простуду и одинъ разъ ознобилъ слегка пальцы ногъ! Еще того спрашивае, что боль въ боку, происшедшая ошъ воспаления печени въ 1797 году, продолжавшаяся около семи лѣтъ, въ сіе время ошнюдь меня не беспокоила, и я ее совсѣмъ почти не чувствовалъ; но когда пріѣхалъ въ Петербургъ и началъ жить нѣсколько спокойнѣе, шогда опять возобновилась боль, и спала по прежнему шрогать; при томъ же надобно замѣтить, что ошъ жидкой и малопишательной пиши, употребляемой иногда въ большемъ прошивъ обыкновеннаго количествѣ, до того расшянушъ былъ мой желудокъ, что подъ самую ложку образовался нарочитый мѣшокъ, выпятившійся наружу, кошорого посрединомъ повязокъ

и примочекъ, чрезъ долгое время не можно было уничтожить и привешъ въ ешеспивенное положеніе.

Имена мои у Киргизцевъ были слѣдующія: *Саба, Сабабай, Сабафака, Сабѣтникъ, Даргиръ*; нѣкоторые же называли *Иваномъ*, какъ вообще зовушъ всѣхъ Рускихъ; иногда же *итъ* (собака), *каперъ* (безбожникъ или идолопоклонникъ) и проч.

Ксшати упомянушъ о поведеніи, и чувстввахъ, какія я имѣлъ въ шогдашнее время. Выше сказано было, что я большую часть времени провелъ шамъ въ безмолвіи. Чшо жъ я шогда дѣлалъ? Первый мой долгъ былъ по утрамъ и вечерамъ приносить къ Богу молитвы, кошорыя совершалъ я большою частію въ шайнѣ, ибо явно сіе дѣлалъ мнѣ запрещалось. Во шпорыхъ, спарался я, сколько возможно вешъ счисленіе времени, и помнишъ для по порядку; зная нѣсколько Пасхалію, могъ я исчисляшъ и годовые праздники.

Удалаясь ошъ аула версты за двѣ для собиранія дровъ или за водою, сначала пропосишъ нѣсколько стиховъ; (изъ кошорыхъ первый и всегдашній: *Молитеу пролію ко Господу* *) и пр., проникнувъ до глубины

*) Вошъ сей прогашельный ирмосъ: „Молишъ въ пролію ко Господу, и Тому возвъщу печали

души, испоргалъ нерѣдко обильныя, умили-
тельные слезы,) и поплачешь. Помощь вспо-
мнишь какую нибудь національную пѣсенку,
и промурныкаешь ее въ свою очередь. —
Когда увидишь опъ юга къ сѣверу лепящую
птицу, приспально смотришь за нею вслѣдъ,
пока совсѣмъ не скроется изъ виду, вообра-
жая, что она лепишь на родимую сторону,
хотя бы и никогда шуда не залезала. Равнымъ
образомъ, если попадешся знакомая правка,
по не хочешся и ошойши опъ нее: споль
она мила и любезна на чужой споронъ! Чшожь
должно подумашъ о человекѣ, прибывшемъ
съ родной спороны въ сѣи пустыя и скуч-
ныя мѣста, хотя бы онъ совсѣмъ и незна-
комъ былъ! Безъ сомнѣнія почтешъ его за
самаго ближайшаго родственника. Таково
было мое чувство при свиданіи съ людьми,
прибывшими изъ Оренбурга! Бышь хотя нѣ-
сколько сышу, одѣшу, и видѣшь когда ни-
будь любезное опечество было единствен-
нымъ моимъ желаніемъ: всѣ спрасши, ис-
ключая одной печали, казалось, въ шо вре-
мя меня оставили.

Не имѣя ни книгъ, ни бумаги, часпо я
записывалъ кое-что очиненнымъ проспши-

моя, яко золь душа моя исподнися, и живошъ
мой аду приближися, и молюся яко Іона: опъ
шли Боже возведи мя.“

комъ на бараньихъ лопашкахъ и другихъ ко-
спяхъ, или вырѣзывалъ на камняхъ; вмѣсто
чернилъ упошреблялъ я сокъ *акткеневиыхъ*
ягодъ, и шаковыя записки глубоко зарывалъ
въ песокъ, думая, что если я умру въ спени,
по можешъ бышь со временемъ онъ кому
нибудъ и попадущся. Таково-шо естъ жела-
ніе человеческое не бышь въ неизвѣстпо-
сти! И пакъ проходили всѣ дни, сокращае-
мые какимъ нибудъ занятіемъ. Несносныя
голодь часпо уполялъ я куреніемъ шабач-
ныхъ спебельковъ, смѣшивая ихъ съ шаковы-
ми спяружками.

(*Продолженіе впредъ.*)

II.

С Л О В Е С Н О С Т Ь.

П и с ь м о к ъ И з д а т е л ю.

Въ *Опытѣ краткой Истории Руской
Литературы* извѣщаше вы публику объ
окончаніи, и вѣрошно скоромъ появленіи
перевода въ спихахъ *Освобожденнаго Іеру-
салима*, спрудовъ извѣстнаго А. Θ. Мерзля-
кова. Новостъ сѣя весьма любопытна, ибо

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ

И

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ.

Verba animi proferre et vitam impendere vera.
JUVENAL IV

ЧАСТЬ СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЗДАТЕЛЯ.

1822.

802-11
209

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1822. № XV.

І ИСТОРИЯ.

Состояніе Ливоніи до пришествія Нямцовъ.

Сог. Графа Брел.

Древніе Историки, говоря о происхожденіи различныхъ народовъ и Государствъ, кажется, унопребляющъ всё свои усилія, чтобъ представляти оное необыкновеннымъ и баснословнымъ. Кельхъ собралъ много шаковыхъ преданій о началѣ Ливоніи. — Одни производяшъ имя Ливоніи отъ какого-то Либо, будио Римскаго Принца, переселивашагося съ войскомъ своимъ въ страны сіи. Кельхъ въ этомъ ссылается на историческія записки Михелониса Липовскаго (Michaelonis Lithuani), который увѣряетъ, что сіе случилось при Юліи Кесарь. (Римскій Принцъ при Юліи Кесарь!!...) Другіе производяшъ названіе сей провинціи отъ словъ Ливы, Лива-Лива, означающихъ песчаная земля: пшое производство кажется сшоль

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были семь экземпляровъ въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Апрѣля 11 дня 1822 года.

*Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

имъ и назвали оный *Дерптомъ*. Сей городъ сдѣлался главнымъ мѣстопробываніемъ Епископа, и былъ весьма важенъ по своей торговлѣ, народонаселенію, публичнымъ зданіямъ, безопасному мѣстоположенію и укрѣпленіямъ.

Таковы были главныя жилища народовъ, обитавшихъ въ Ливоніи, Эстоніи и Курляндіи, въ то время, когда прибыли сюда Нѣмцы.

Пер. II. съ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Записки Доктора Саввы Большаго о приключеніяхъ его въ плѣну у Киргизъ-Кайсаковъ въ 1803 и 1804 годахъ, съ замѣчаніями о Киргизъ-Кайсацкой степи.

(Продолженіе.)

Въ то день Іюня 1804 года, въ опущеніи Хана, опущенъ я былъ главными чиновниками, Старшинами *Жаппазаромъ* и *Жанзакомъ*, порученъ Тюршъ Каринскому Старшинѣ, Мурзъ *Бураибай* и прѣхавшимъ изъ Оренбурга съ нарочнымъ предписаніемъ ошъ пограничной Коммисіи для развѣданія о погра-

бленныхъ шоварахъ, (о плѣнныхъ ни слова), конфиденцамъ Ахуну *Абулпатыку* съ находившимися при немъ Киргизскими сошниками *Сатомъ Ягофиромъ* и *Абдуллою Абубекиромъ*, съ которыми, въ препровожденіи немалаго числа Киргизцевъ, и пустились въ путь. — Въ шощъ же день въ вечеру перѣхали рѣку *Сыръ* на перевозѣ *Таркичу*, около горы *Дынгъ*, и отъѣхавъ еще верстѣ 15, ночевали въ степи близъ горы *Темирчатау* (жельзная гора).

11-го числа, поднявшись довольно рано, ударились прямо на сѣверъ, имѣя передъ собою *полярную звезду* (немизъ казыкъ), всегдашнюю ночную путеводительницу Киргизцевъ. — При восхожденіи солнца оставили мы въ правой рукѣ озеро *Макмаль*, въ лѣвой *Камышлы-куль*, гдѣ много камыша.

12-го. Въ 50 верстахъ, по нашему разсчету, ошъ рѣки Сыра въ лѣвой споронѣ былъ колодезь *Коссей*, въ правой *Жяксылыкъ кудукъ*, въ которыхъ воды хороши.

13-го. Въ лѣвой рукѣ попалося намъ обширное озеро *Соргъ-булакъ*, горькій ключъ. Все пространство ошъ рѣки Сыра до сихъ мѣсть называется *Джіекъ-кумъ* (край песковъ). За симъ слѣдуютъ пески *Порча-кумъ* (часть песковъ), которые ошъ рѣки Сыра

находясь въ разстояніи 80 верствъ. — Въ сихъ пескахъ много попадаются растенія, называемаго *ширазъ*, на кошоромъ были уже сыроватыя и сочныя ягоды, также *иланъ* и *кусыкъ*.

Вступая въ *черные пески* (Кара-кумъ), въ лѣвой сторонѣ видѣли мы возвышенное мѣсто *Чизанакъ* (устье Аральскаго моря); попомъ въ шой же рукъ оставили мы высокую гору, *Кокъ-думбакъ* (голубая гора), около кошорой находишь много озеръ, содержащихъ въ себѣ поваренную соль.

Нельзя упамть бывшаго между мною и Чумекейцомъ, *Сайномъ Каратаморомъ*, разговора: мы ѣхали верхами двое рядомъ, по обширнымъ пескамъ, подобнымъ песчаному морю. Я спросилъ его: почему у нихъ нигдѣ не видно мечетей? Онъ, нимадо не думая, сказалъ мнѣ на шо: „до сихъ поръ считалъ я себя за умнаго человѣка, но теперъ вижу, что въ шебѣ ума нѣтъ ни на *копѣйку* (шинь). Видишь ли ты, продолжалъ онъ, эту землю, по кошорой ѣдемъ? (Тотчасъ догадался я, что онъ хотѣлъ сказать, но уже поздно). Слѣзши съ лошади и преклонивъ колѣна, вознеси молитву свою къ Богу: вошь шебѣ и мечешь!“ Сколь ни остеръ былъ опывшъ сего Киргизца; но есть между ими и шакіе безшожковые, кошорые никакъ не

могли понять, почему я свободно разговаривалъ съ Ташарами, знающими Россійскій языкъ, съ Киргизцами же не шакъ удобно объяснялся; спранно имъ показалось, что Ташаринъ разговариваетъ съ Киргизцемъ по Киргизски, а съ Рускимъ по Руски; ибо одинъ шолько Киргизскій языкъ почитающъ они существующимъ въ свѣтѣ.

Въ окружности сихъ мѣствъ, въ правой рукъ находишь проспанное озеро *Акъ-салъ-барбій*.

Отъ горы *Кокъ-думбакъ* уклонились мы нѣсколько къ западу, и шли болшее частію долинами (какты). Въ 30 верствахъ находишь урочище *Тригаръ*, около кошораго растешъ много камыша. Вода по большой частши въ колодцахъ и не шакъ дурна.

Отъ *Трисора* до *Тяраклы* (пополевое мѣсто) гдѣ въ прежнія времена росли шополевья деревья, кошорыхъ однако же нынѣ и слѣдовъ нѣтъ, около 30 верствъ.

Отъ *Тяраклы* до кладбища *Буталы-мула*, около 35 верствъ. Здѣсь много *сурксеула*. Отсюда до возвышеннаго мѣста *Чака* верствъ 10. Около сего находишь шопкое болото (*какъ*), въ длину вершты на при, въ ширину на вершты; вода въ немъ не очень горяка.

Отъ *Чака* до озера *Маллекуль*, въ ко-

торое впадаетъ небольшая рѣчка, выходящая изъ горы *Джябы*, версшъ 15. Ошъ *Джябы* версшахъ въ 20 находишся возвышенное мѣсто *Жяманъ-чинъ*, ошъ котораго до горы *Кабанъ-кулакъ* (свиное ухо), около 45 версшъ.

Оставя *Кабанъ-кулакъ*, и *Кулакачи-барбий* въ правой сторонѣ, шли мы при подошвѣ значительной горы *Суеукъ-битъ* (холодное лице), имѣя ее въ правой рукѣ, и прошедъ мимо *Бамбурова* маяка, оставили въ той же рукѣ *Катасай* и *Сарасай*, а въ левой горы *Наръ-кызылъ* и *Кызылъ-кабакъ*, вступили въ *Жяманъ-кумъ*, (худые пески), гдѣ и соединились съ *Барамнай-биемъ* Куламановскаго уѣзда.

Въ сихъ мѣстахъ Юля 10 числа по зашествіи солнца усмотрѣли мы въ юговосточной сторонѣ *затмѣние луны*, при которомъ Киргизцы не упустили сдѣлать нѣкоторыхъ обрядовъ своего богомолія.

Отсюда видны были въ левой сторонѣ высокія горы *Сеналь-чинъ* и *Ману-авліа*.

11 числа поутру выступили изъ песковъ *Жяманъ-кумъ*, и прошедъ мимо кладбища *Бисъ-мула*, имѣя его въ правой рукѣ, перешли *Иргизъ*, и подавшись къ западу, достигли рѣчки *Кишкеня-Таллыкъ*, гдѣ и го-

стили три дни у *Мазынскаго* удѣла Тюрпъ-Каринцовъ.

15-го, распростясь съ послѣдними кочевьями, поднялись по упру при восхожденіи солнца ошъ *Кишкеня-Таллыка* и шли гораздо западнѣе; къ полуденному ошдыху добрались до ручья *Ульконъ-Таллыкъ*, который, какъ и прежній, начинаясь изъ ключей, теченіе имѣетъ ошъ сѣверозапада на юговостокъ между горными ущельями и вливается въ *Иргизъ*. Здѣсь, ошдохнувъ и накормивъ лошадей и верблюдовъ, поднялись на высоты, и къ ночи достигли рѣчки *Таллы-кайрякъ*. Въ сей полосѣ встрѣчается великое множество бѣлаго, блестящаго и какъ масломъ облипаго кварца, ошмѣнной величины.

16-го, прошедъ чрезъ просяженіе *Мугад-жарекихъ* горъ, изъ которыхъ примѣчанія доешойны: въ правѣ *Жянгисъ*, а въ лѣвѣ *Жяманъ тау*, гдѣ много попадалось разноцвѣтной яшмы и сердоликовъ, сдѣлали роздыхъ при вершинахъ рѣчки *Ори*, называемыхъ *Тирсъ акканъ*. На ночь остановились при рѣчкѣ *Аксу*, которая также впадаетъ въ рѣчку *Орь*.

17 го полдничили при вершинахъ *Ори*; на ночь пришли къ рѣчкѣ *Жяксы-Таллы*; прошедъ горы *Бисъ-тау* и рѣчку *Исембай*,

18-го прошель *Кокъ-тюба* въ лѣвой, *Исетъ мула* въ правой сторонѣ, отдыхали при рѣчкѣ *Жяманъ-Тамлы*, ночевали при рѣчкѣ *Битъ-каклы*.

19-го, перешель рѣчку *Жянычка*, имѣя въ правой рукѣ *Акъ-тобля*, прошивъ кошорой къ сѣверу имѣюся двѣ рѣчки *Жяксы-карголка* и *Жяманъ-карголка*, къ полуденному ошдыху добрались до *Илека*, въ шо мѣсто, въ кошоромъ впадаетъ въ него знашная рѣчка *Таньиръ-вергенъ*; рѣчки: *Жяксы-тамлы*, *Жяманъ-тамлы*, *Жянычка*, *Жяксы-карголка* и *Жяманъ карголка*, вмѣстѣ соединясь, соспаваютъ *Бисъ-тамакъ* (пяшь горлъ) или вершину *Илека*. На ночь пришли къ рѣчкѣ *Аксу*, вливающейя, шакже какъ и *Таньиръ-вергенъ*, съ южной стороны въ рѣку *Илекъ*.

20-го отдыхали при *Илекъ* прошивъ *Жяманъ-карабутака*; къ ночи, перешель *Илекъ*, оспановились при среднемъ *Карабу-шакъ*.

21-го отдыхали при *Жяксы-карабута-кѣ*, ночевали при *Илекъ*.

22-го насилу дошанились до горы *Кар-сакъ-Башъ*, кошорая лежитъ по шу споро-ну *Илека*. Въ сихъ мѣсцахъ обрѣли давно исканныя нами кочевья, въ кошорыхъ едва

могли уполишь голодъ, чрезъ семь дней пре-перпѣваемый.

23-го госпили около сихъ же мѣстъ, въ *Чиктынскомъ* ошдыхеніи *Бимокчурѣ*.

24-го пополуни пронулись мы съ *Илека*, и прошель ручей *Акъ-булакъ*, поднялись на возвышенныя мѣста, съ кошорыхъ, въ разспойни верспъ двухъ, увидѣли мы нѣчто движущееся. Тончасъ оспрядили двухъ человекъ, кошорые какъ стрѣлы полешѣли къ шому мѣспу, и дохавъ шуда, сѣлали по своему нѣ кошорый знакъ (маякъ). Какъ скоро наши *Каргизцы* сіе замѣшили, шо, подобно ужасному вихрю, съ крикомъ и визгомъ пуспились. Лошадъ, на кошорой я сидѣлъ, не смопря на все мое усиліе удержашъ ее, сверхъ моей воли неслась за ними во всю конскую прышь, шакъ что, не привыкши ѣздишь верхомъ, съ шрудомъ я могъ держашься. Въ одно мгновеніе окружили мы шабунъ лошадей, ошпгнанныхъ нѣ кошорыми *Киргизцами* изъ *Илецкой* зашпшы. Взявъ изъ сего шабуна шолько двухъ лошадей, ошпустили воровъ благополучно съ своею добычею. На ночь оспановились при рѣчкѣ *Тюлтасъ* и горахъ сего жъ имени.

25-го дневали при рѣчкѣ *Тярталѣ*, впадающей въ рѣку *Уралъ*.

26. Прошедъ гору *Тюрлеулякъ* и рѣчку *Асъ-бермесъ*, поднялись на высоты, съ которыхъ уже виднѣнъ былъ городъ *Оренбургъ*. — Киргизцы съ самаго почти начала плѣненія моего обѣщали освободить меня и говорили: вопъ нынѣ да завтра поведемъ въ Россію; между тѣмъ провели почти цѣлый годъ въ своихъ обѣщаніяхъ и сборахъ; горестъ и опчаяніе съ мучительнымъ чувствомъ неизвѣстности усугублялись ошъ сего со дня на день и столько ожесточили мое сердце, что оно, подобно крѣпкому камню, ошнюдь не тронулось при первомъ моемъ воззрѣніи на прошивулежащія предмѣстія.

Напоследокъ приблизились мы къ мѣновому двору, въ который вступа, были окружены множествомъ народа. Ошвсюду кричали: гдѣ они! гдѣ они! и какъ знакомые по некоторымъ примѣшамъ меня угадали, шобросились съ неизяснимою радостію цѣловашъ, и орошая пошоками люющихся слезъ, едва не задушили. Сіе ешъ обыкновенное шамъ встрѣчаніе вывозимыхъ изъ плѣна! До того, повшоряю, было ожесточено мое сердце, что я шолько дивился написанной на лицахъ ихъ радости и дружеской ихъ пріязни; внутри же себя не чувствовалъ никакой почти перемѣны: укоренившійся ли страхъ,

или другое что было шему причиною, шого и до сихъ поръ не разберу.

Въ шощъ же самый день представляенъ былъ я Г. Оренбургскому Военному Губернатору, Князю Григорію Семеновичу *Волконскому*, въ полномъ Киргизскомъ платьѣ, обросшій бородою, съ обрешою головою, при саблѣ, въ препровожденіи ошборныхъ 50 Киргизцевъ и Султана Ширгазы.

Его Сіятельство, сдѣлавъ пристойное привѣшствие Киргизцамъ, оппустилъ ихъ, приказавъ нанашъ для нихъ кварширы и оппускашъ прокормовныя деньги; меня приказалъ камердинеру ввести въ домовую молишвенницу и помолитъся свяшымъ иконамъ. Попомъ изволилъ со мною поздоровашъся. На первый случай пожаловалъ мнѣ шшо рублей; другимъ со мною вывезеннымъ до двадцати рублей, дабы кой-какъ переодѣшъ насъ.

Я особенно препорученъ былъ Оренбургской пограничной Коммисіи Г. Ассесору Андрею Ивановичу *Сапожникову*. Сей ошмѣнно доброй души человекъ, приглася меня къ себѣ, предложилъ кварширу и все содержаніе, за что приношу ему и шеперь наичувшвишельнѣйшую благодарность.

Недѣлю спустя, Г. Военный Губернаторъ опнеся письменно къ Его Сіятельшву, Графу Николаю Пешровичу Румянцову,

бывшему тогда Миниспрошь Коммерціи, и чрез шесть недѣль полученъ былъ ошвътъ, объ ошправленіи меня въ С. Петербургъ. На прогоны, одежду и содержаніе ошпущено мнѣ было изъ пограничной Коммисіи нужное количество денегъ.

Въ печеніе двухмѣсячнаго моего въ Оренбургъ пребыванія вѣдиль я съ Его Сіяшества свѣдомъ въ Уральскъ, и былъ очевиднымъ свидѣтелемъ благоразумныхъ его посшукковъ съ Уральскими козаками.

4 числа Октябрия, будучи облагодѣшествованъ ошъ Его Сіяшества щедрою рукою, и вруча честнымъ Киргизцамъ для дошпавленія прежнимъ хозяевамъ нѣкошорые гощинцы, ошправился я въ пушь, взявъ съ собою вывезеннаго изъ плѣна деньщика Никифора Васильева.

18-го Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда въ селѣ *Чернобаевѣ* сподобиль меня Господь, чрезъ 16 лѣтъ увидѣвъ домъ родителескій. Пресшарльый родителескій мой и родителесница приняли меня съ несказанною радощію, и сдѣлали присшойное угощеніе, пригласивъ на пошь случай всѣхъ родешвенниковъ. На семь семейшвеннымъ праздешествъ пролили мы молишвы ко всеобщему ошцу и благодѣшелю, Богу. *)

*) Окончаніе сей спашы, содержащее въ се-

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П в с н я.

Ошнимаешь наши радощи
Безъ замѣны хладный свѣтъ :
Вдохновење пылакой младощи
Гаснешъ съ чувшвомъ жершвой лѣтъ !
Не одно ланишь пыланіе
Трашимъ съ юношью живой —
Видимъ сердца увяданіе
Прежде юношши самой.

Наше счастье разбило
Видимъ мы игрушкой волнь,
И въ далекій мракъ сердитое
Море мчишь нашъ бѣдный чолнь.
Сшрѣлки нѣтъ пушеводителесной !
Иль вошце ея магнитъ
Въ бурю къ присшани спасителесной
Чолнь безпарусный манишь.

Хладъ, какъ будшо ускоренная
Смерть, заходишь въ душу къ намъ !
Къ наслажденю охлажденная,
Холодна къ самимъ бѣдамъ,

бѣ замѣчанія о Киргизской спеші, помѣщено
будешъ впредь. *Изд.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ

И

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL IV

ЧАСТЬ ОСЬМИДЕСЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЗДАТЕЛЯ.

1822.

Л

802-11

209

вникся будутъ припечатаны. Иногородные благоволяшь присылашь въсовыхъ денегъ за шрифтунша.

2.

Трудившійся въ переводѣ знаменитаго шворенія Г. Книжке: *Объ обращеніи съ людьми*, долгомъ воспоминаешь извѣстишь почтенныхъ Гг. пренумераншовъ своихъ, что обязанности службы, удалявшія его изъ столицы, не позволяли ему досель окончитьъ предпринятаго изданія. Но шеперь, не смотря на слабое подкрѣвленіе сего общепользнаго предпріянія, сопряженнаго съ значительнымъ иждивеніемъ, принявшимъ дѣятельныя мѣры къ ошпечашанію остальныхъ трехъ часшей сего шворенія въ самомъ непродолжительномъ времени. Издатель смѣешь надѣяться, что книга сія, содержащая въ себѣ правила благодѣшительныя, и можешь бышь необходима для всякаго, желающаго достигнуть истиннаго благополучія въ кругу людей, обратишь на себя вниманіе благонамѣренныхъ соотечественниковъ, кошорые не умедляшь вспомоществовать сему предпріянію предварительною подпискою. На всѣ 4 часши принимается подписка въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома, гдѣ и будешь продолжаться печашаніе остальныхъ 3 часшей. Подписная цѣна въсьмъ 4 частямъ 12 руб., съ пересылкою въ другіе города 15 рублей. При подпискѣ выдаешся 1 часшь, а на остальныхъ билешъ. По ошпечашаніи всей книги цѣна по необходимости возвысится.

(26 *А в г у с т а .*)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1822. № XXXV.

I.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Замѣчанія о Киргизахъ *)

Науки, Художества и рукодѣлія.

У Киргизовъ нѣшь ни школы, ни мечешей; рѣдко кто на своемъ языкѣ читашъ и пишашъ умвешъ. Хотя Астрономія ихъ весьма недоспашочна, но всякой Киргизецъ швердо знаешъ полярную звѣзду (шемиръ казыкъ) и нѣкошорыя другія созвѣдія. На вопросъ, для чего Киргизцы не обучающяся грамашъ, знашнѣйшій и богашнѣйшій Алимудинскаго рода, Тюршкаринскаго ошдѣленія Спашрина Тархманъ Каракубекъ-бій ошвѣчалъ: „чпобъ эшакую глупостію занимаешь и ломаешь себѣ голову, ешь Муллы (духовныя особы у Магомешанъ) кошорые, что надобно прощущушь и нащущушь.“

*) Изъ записокъ Докшора С. Большаго, см. № 15 С. О. 1822, Изд.

Природное Стихотворство и Краснорѣчье Киргизцевъ весьма любопытны. Сколь забавно слушать, когда изрядный говорунъ продолжительную свою и довольно жаркую рѣчь въ народномъ собраніи прерываетъ пѣніемъ, или, напрошивъ того, хорошій пѣсенникъ искусно вкладываетъ въ свою пѣсню довольно длинную рѣчь или отборные стихи, копорые поеть или говоритъ безъ всякаго приговора.

Музыкальныя ихъ орудія суть: дудка (чабызга), балалайка (дорба), гудокъ (кобызь): на кошорыхъ скоморохи и лекари нерѣдко оплечаются. У нихъ есть скорняки и кожевники, сапожники, поршные, красильщики, кузнецы, слесаря, серебряники (зергирь), плотники, но все неслишкомъ искусны. —

Упражненіе Киргизокъ состоить въ доемїи скота, пряденїи, пканьѣ, валянїи войлоковъ, и другихъ симъ подобныхъ рукодѣлїяхъ.

Кочевая жизнь Киргизцевъ.

Киргизцы живутъ всегда въ удобоносимыхъ кибиткахъ или шалашахъ, покрытыхъ войлоками; для скошоводства, главно и почти единственнаго ихъ упражненїа, странствуютъ по своимъ степямъ: дѣломъ

больше къ сѣверу, и порознь; зимою къ югу, составляя аулы (деревни).

Домашній скарбъ: чугунный кошель (казань), шреножникъ (шагань), деревянная чашка (аякъ), ложка (касукъ), уполовникъ (чумичь), ведерко (чиликъ), кувшины (кумгань), шурсукъ (кунюкъ) и проч.

Пища и питье. Пища достаточныхъ Киргизцевъ наиболее состоить въ мясѣ бараньемъ, козиномъ, верблюжьемъ, коровьемъ и лошадиномъ, которое варяшъ просто въ водѣ, приправяя солью. Мясѣ изрѣзываютъ весьма мелко и сославляютъ пшеничную яству (бисъ бармакъ), копорую помомъ запиваютъ похлебкою (сарпа). Недостаточные варяшъ пшеничную кашницу (куже), приправяя ее иногда саломъ, иногда же просто ѣдая сухое пшено, поджареную пшеницу (бюдай), ячмень (арпа), что вообще называется курмачъ. Изъ пшеничной, ячменной, пшениной и жогарной муки (уиъ) варяшъ жидкую соломаху, (баламыкъ), копорую приправляютъ также саломъ или коровьимъ масломъ (сарымай). Сверхъ сего изъ муки пекутъ оирьсноки (нанъ), только весьма рѣдко. — Въ пишь употребляютъ воду (су), прѣсное молоко (супъ), кислое молоко (айрянъ), кислое кобылье молоко (кумызь). Изъ овечьаго молока дѣлають въкошорый родъ

крѣпкого сыра (куршь или крупъ), который расворя въ водѣ, употребляютъ вмѣсто пищи, что замѣняешь иногда и самую пищу. Изъ кумыза гонятъ водку (аракъ), которую употребляютъ для лекарства.

Одежда. Общую Киргизскую одежду составляютъ: бумажный сшеганный халашъ (чапанъ), который бываетъ и шелковый; шуба или шулушь (шонъ), поршы (дамбаль искинь), поясъ или кушакъ (бійль), сапоги (ишыкъ), онучи (чулгау), сшельки (пашякъ); мужская распахная рубашка или нашьльникъ (жогды), шировары (чалбаръ), армякъ или зипунъ (чакмень), скуфья (шюбешей), шляпа (колпакъ), шапка (шумакъ), на поясъ сумка (кальшъ). Женская бахшовая по большей части синяя рубашка (кюльдякъ), головной уборъ (саукала), головной плашокъ (жаудукъ), нагрудникъ (жюринча), мешаллическій нагрудникъ (шумарча), бисерный снарядъ (мончакъ), бусы (маржанъ), бахромка (чалъбау), косы (шулумъ), и проч.

Пріятно смотрѣшь на молодую, пригожую и припомъ разряженную женщину, либо дѣвушку, сидящую крѣпко на борзомъ конѣ, и скачущую въ запуски съ удалымъ молодцомъ, кошорога опереживаешь!

Промышленность и торговля.

Въ Киргизской промышленности первое мѣсто занимаетъ скотоводство. Въ обширнѣйшихъ ихъ степяхъ преимущественно разпложаются: ордынскія овцы (кой) и козы (ишке). Помомъ въ большомъ числѣ водятся лошади (жилка), и верблюды (шюя). Последнее мѣсто занимаютъ коровы (сыиръ), и быки или волю (огюсъ). Есть у нихъ и дворныя собаки (ипъ) и кошки (мусыкъ).

Скоть во всю зиму ходитъ въ поля, и питается засохшею правою, разрывая снѣгъ копытами. Въ семь намѣреніи сначала гоняютъ лошадей, помомъ верблюдовъ и коровъ, что называютъ по шамошнему *тебенить*, а послѣ мѣлкій скоть. Лошадей ни въ какое время не подковываютъ; верблюдовъ на зиму покрываютъ чаклами; всякая скопина подъ весну спановится весьма щоща и слаба; извѣстные курдюки (куйрюкъ) у овецъ зимою совсѣмъ исчезаютъ, а лѣтомъ опять вновь наполняются; опъ голода и спужи погибаетъ множество скопа.

Звѣриная и рыбная ловли суть побочныя упражненія Киргизцевъ, и производятся шолько для забавы. На звѣриной промыселъ ходитъ они съ просешными своими собаками, съ учеными беркушами и карагушами;

бьютъ снрѣлами изъ лука и пулями изъ ружей, и проч.

Рыбу ловящъ слѣдующимъ образомъ. Въ зимнее время, сдѣлавъ на льду прорубь, опускающъ шуда багоръ, и прятъчающъ, когда рыба пойдетъ: какъ скоро поравняешся она съ зубцами, на крюкъ вверхъ шорчачицами, шотчасъ приподнимающъ багоръ и вышаскивиющъ рыбу. Кромѣ того, при замерзаніи рѣкъ и озеръ, глушащъ рыбу дубинами, и пробивши ледъ, оную вынимающъ. Въ лѣтнее время колющъ иногда рѣбу особенно устроеными презубцами, шолько весьма рѣдко; иногда же взмушя воду ловящъ щукъ, кошорья выплывающъ на верхъ.

Весною, при удобныхъ мѣстахъ, упражняющся въ земледѣліи, которое для нихъ весьма бываешъ выгодно; но шолько жаль, что самая малая часть Киргизцевъ симъ занимаешся. Не смотря на то, что въ шамошней странѣ дождей весьма мало, просо (шары) и просянка (кунакъ) бывающъ самъшесшидешяшый; пшеница (бюдай) и ячень (арпа) самъ-десяшый и болѣе. Родитсѣ шамъ и рожъ (кара сюля), кошорую съюшъ шолько для скопины, и шо очень мало. Изъ Бухаріи вывозящъ Бухарское пшено (жюгари). Дыни (каунъ), арбузы (карбусъ) и шыквы

(аскабакъ), ни чѣмъ почши не уступаютъ Бухарскимъ и Хивинскимъ.

Въ 1804 году въ первый разъ посѣялъ я при рѣкъ Сырь, Хивинскій шабакъ (шемякъ), кошорой взошелъ очень хорошо. — Сей родъ шабаку почиаетсѣ лучше Бухарскаго: листья имѣешъ онъ долгіе, сшебли большіе, толстые и древесовашые; запахъ и вкусъ при куреніи довольно пріятны, и мнѣ показался онъ не хуже Турецкаго. Киргизцы вообщѣ весьма любящъ шабакъ, кошорый употребляющъ болѣе для нюханья. Для напоенія низменныхъ, къ засѣванію способныхъ мѣстъ, проводящъ воду изъ рѣкъ длинными каналами. — Пахошныя орудія сушъ: рало (егинъ агачъ) и волокъ (мала).

Торгующъ они на линіи въ городѣ Оренбургѣ, въ Орской и Троицкой крѣпостяхъ. Весь ихъ шоваръ состоитъ въ скошѣ и шькошорыхъ домашнихъ издѣліяхъ, кошорья большешо частію мѣняющъ на нужныя и нешобходимыя вещи. Но большая часть Киргизцевъ ведешъ жизнь свою въ праздношши, а пошому бѣдношсть засшавляешъ ихъ иногда разбойничашъ, грабисъ караваны, и между собою производитъ безпрерывную брань (баранша). На шаковую брань вѣдящъ они всегда вооруженные. Оружіе ихъ составляющъ: сабля (колышъ), ружья или виншовжы

(мулшыкъ), копыя или пики (найза), лукъ, кряжъ со спрълами (окъ) и колчаномъ (сайдакъ), кинжалы (кинжалъ), кольчуги (саушъ), ножи (пйакъ), и нагайки (камча).

Счисленіе времени, праздники и посты.

Счисленіе времени Киргизы ведутъ по лунному печенію, полагая на каждый мѣсяць по 30 дней, и пошому, вмѣсто луннаго 354 дневнаго года, выходить у нихъ 360 дней.

Мѣсяцы (ай) считающъ слѣдующимъ порядкомъ, приравливаясь рожденію луны въ зодіакальныхъ знакахъ:

1. *Курманъ* (означаетъ на Арабскомъ языкѣ барана) *Мартъ*. Въ 10 день по рожденію луны сего мѣсяца бываетъ у нихъ самый большой праздникъ (айшъ), въ воспоминаніе приношенія жертвы Авраамомъ; пошому и праздникъ сей называется *Курманъ*, или *Курбанъ айшъ*. Сей мѣсяць именуется также *Наурусъ* (Новый годъ),

2. *Сауръ* (быкъ) *Апрѣль*. Въ семь мѣсяць бываетъ праздникъ *Сабанъ*.

3. *Чауза* (мужъ съ женою), *Май*. Сіи три мѣсяца составляютъ *весеннее время*, багарь.

4. *Саратанъ* (ракъ), *Іюнь*.

5. *Эсетъ* (левъ), *Іюль*.

6. *Самбулдъ* два колоса или дѣвица (*Са-*

вилла), Августъ. Сіи мѣсяцы составляютъ *лѣто* (жась).

7. *Мизанъ* (вѣски) *Сентябрь*.

8. *Акралъ* (ядовитое жало или скорпионъ) *Октябрь*.

9. *Каусъ* (спръла), *Ноябрь*. Сіи мѣсяцы составляютъ *осень*, (кусъ).

10. *Джидды* (высокая гора или спаричокъ) *Декабрь*.

11. *Дамотъ* (кормысло съ ведрами) *Январь*.

12. *Хутъ* (рыба) *Февраль*. Сіи составляютъ *зиму* (кысъ).

Дни (кунъ) считаются слѣдующимъ порядкомъ:

1. *Сембе*, по Арабски просто значить (день) *Суббота*.

2. *Жексембе* (первый день) *недѣля*, или *недѣльный день*.

3. *Дюсембе* (второй день) *Понедѣльникъ*.

4. *Силембе* (третій день), *Вторникъ*.

5. *Сарсембе* (четвертый день) *Среда*.

6. *Бисембе* (пятый день), *Четвертокъ*.

7. *Жюмсе* (сборный день) *Пятница*,

которая починается у нихъ вмѣсто нашего Воскресенья.

Одинъ разъ въ году бываетъ у нихъ постъ (уруза), который продолжается цѣ-

мый мѣсяць, и приходишь въ разные времена года. Посщъ состоишь въ шомъ, чшобъ во время дня ничего ни ѣшь, ни пишь; напротивъ шого ночью объѣдаешь самыми вкусными яшвами. Самые бѣдные принуждены бывають по закону ѣсть мясо. Мелодья женщины и ребяша нѣкошорымъ образомъ ошь сего спрѣгаго ушвава освобождаются.

В ъ р а . З а к о н ы .

Хоша Ввра всѣхъ Киргизцевъ Магометанская, исповѣданія Суннитскаго (последователи Омара); но Чикшинцы, какъ отдаленный народъ отъ всѣхъ почти границъ, сущъ весьма слабые исполнители своего закона. Рѣдко видишь шамъ молящихся. По причинѣ малаго обращенія съ просвѣщенными людьми, они весьма легкомысленны и суевѣрны. — Разговаривають много, но изъ продолжительныхъ ихъ разговоровъ никакого почти шолку добиться не можно: что нинѣ утверждають, какъ неоднократно мною было замѣчено въ ихъ совѣшахъ, шо завтра опровергають. Однакожь они управляются слегка Ханами, Сулшанами, Бѣями; но болѣе зашпочными или семьянишными своими брашьями.

Народныя Киргизцевъ права или законы сущъ: *кровь за кровь, око за око, зубъ за зубъ*; посему нѣрѣдко доходишь у нихъ до смершубѣйшва. Случаються и между ними иногда добрые люди, только ихъ очень мало.

Способы Киргизскаго леченія.

Что касается до Киргизскаго леченія, шо оно не только не заслуживаешь никакого вниманія, но даже и описываешь его шрудно. Оно, болшешю частію, состоишь въ пустой ворожьбѣ и неудобноизъяснимыхъ шаманшвахъ.

Чшобъ дать о немъ нѣкошорое понятіе, представляю здѣсь примѣры ихъ леченія.

Я былъ позванъ къ одному пожилому и довольно доспашочному Киргизцу, одержимому водяною болѣзнію и сильнымъ запоромъ мочи. Осмотрѣвъ больного, сказала я, чшо пособишь ему шрудно да и не чѣмъ. — Въ шо же время призванъ былъ и Киргизскій лекарь (Даргиръ) съ помощникомъ. Между шѣмъ, пришли еще шри или чешыре духовныя особы: Ахунъ (старшій) и Муллы (младше), кошорые, по своему обыкновенію, поджавъ ноги, сѣли въ полукругъ, чшпали какіа-шо молишвы всякъ про себя, перебирали бобы изъ руки въ руку, и обнося ихъ около чашки, наподненной водою, дули въ

нее и проч. Лекаръ же, собравъ нѣсколько ножей безъ рукояпокъ, и раскаля ихъ на огонь, приказалъ помощнику вынимать одинъ за другимъ; онъ брызгалъ на нихъ изо рта помянушою водою, и примѣчалъ восхожденіе пара. Больной споялъ тогда шага за два отъ него спиною, будучи поддерживаемъ двумя Киргизцами, шакъ, что поднимавшіеся пары отнюдь до него не достигали.

Перепрыскавши всѣ ножи, спросилъ онъ своего прислужника: *инде тогусъ болды ма?* (и шакъ девашъ будешь ли?) сей отвѣчалъ: *болды* (будешь); лекаръ въ заключеніе сказалъ: *инде кой отуръ*, (ну инъ оставъ) или лучше скажашъ: *сядь!* Далѣе, распопилъ онъ въ желѣзномъ ковшѣ нѣсколько бараньяго сала, въ которое положиа шряпку и перемѣшавъ надъ огнемъ, брызгалъ въ ковшъ изо рта тою же водою, отъ чего и происходила вснышка. Повторивъ раза два сіе дѣйствіе, бросилъ онъ ковшъ къ порогу. Потомъ посадили больного близъ двери на нарочно поспланномъ коврѣ, и пригошовались къ слѣдующей операціи. Даргиръ (лекаръ) съ помощникомъ, сжавъ близъ больного, вскричалъ повелительнымъ голосомъ: *Кара ишке да алетъ кель!* (приведи черную козу!) Топчась, по его приказанію, внищали въ кибишкѣ черную козу, которую первый ухваши

за переднія, послѣдній за заднія ноги, обносили вокругъ больного при раза, поколачивая его со всѣхъ сторонъ оною. Потомъ, по лекарскому же приказанію, приведены были бѣлая и сѣрая козы; за сими шесть овецъ разныхъ шерстей, которыхъ равнымъ образомъ обносили вокругъ больного съ помянутыми удареніями.

Напоследокъ, упомявъ пустою сею работою, восточный Эскулапъ вскричалъ: *инде тогусъ болды ма?* Помощникъ и всѣ предснорящіе отвѣчали вдругъ: *болды*, и прекрашали шѣмъ вздорную процессію, спрашивая меня, каково ихъ леченіе, и есть ли шакое въ Россіи. Я отвѣчалъ, что никогда еще не видывалъ шакихъ чудесниковъ, и о дѣйствіи ихъ леченья ничего не смѣю сказать. Видѣвъ же, что мнѣ нѣчего здѣсь дѣлать, уѣхалъ я въ Ханскій аулъ, и на прелій день услышалъ, что спрадалецъ скончался.

Въ другое время занемогла *Темира*, невѣстка Башкирца *Садитъ-кирея*, судорожною въ ручныхъ пальцахъ болѣзнію; для сего и призванъ былъ особеннаго рода лекаръ (Баксы). Поелику случилось сіе въ Ханскомъ аулѣ, то и не приминуть я полюбобытствовать новаго сего леченія, которое состояло въ слѣдующемъ.

Въ вечеру собрались Киргизцы обоего пола въ особенно-приготовленную кибишку, гдѣ находилась больная, разряженная въ лучшее убранство. Она сидѣла на богатыхъ коврахъ, и была покрыта шонкимъ бѣлымъ шелковымъ плапкомъ. — Вдругъ явился на сцену сильный восточный чародѣй съ гуд-комъ, (кобызь), особаго рода, на которомъ, вмѣсто струнь, проспо напаянны были лошадиные волосы какъ и на смычкѣ. Усѣвшись противъ больной, началъ онъ играть пронзительнымъ, но непрошивнымъ для уха скрипомъ, припѣвая ужаснымъ грубымъ горшаннымъ голосомъ. При нѣкоторыхъ словахъ, произносимыхъ Баксою, поднимались страшный крикъ и гарканье Киргизцевъ. Иногда кричали: *кочь! кочь! кочь!* какъ обыкновенно у нихъ скликають собакъ; иногда же вмѣстѣ шлепали на распѣвъ, покачиваясь всемъ шуловищемъ взадъ и впередъ: *Аллай опа! Аллай опа!* (помогай Богъ), и проч. Въ таковыхъ и подобныхъ сему предшавленіяхъ прошелъ первый вечеръ даже до полуночи: это походило нѣсколько на деревенскія наши свѣшочныя игрища.

На другой день также собрались Киргизцы ввечеру и Баксы, повтора нѣкопорья произведенныя имъ вчерашнимъ днемъ дѣйствія, прибавлялъ къ нимъ и новыя. —

Въ продолженіе сихъ неслыханныхъ обрядовъ влеклъ онъ сначала прирцать одинъ ударъ полстою плетью въ спину страдавшей, шакъ, что видны были слѣды, означенные синими пятнами. Потомъ скакалъ онъ и криваялся какъ бѣшенный, и ударялъ по спѣнью кибишки шую же плетью, какъ будто кого выгоняешь. За симъ бросился въ ожесточеніи на больную, какъ собака, и грызъ ее зубами даже до крови. — Послѣ того выхватилъ пресшрашный ножъ изъ ноженъ, и сдѣлалъ знакъ, что хочешь ее рѣзать. Въ семъ мѣстѣ вспомнилъ я подобную операцію, произведенную надо мною, и разрѣшилъ чрезъ пять мѣсяцевъ продолжавшееся во мнѣ недоумѣніе. Сею варварскою операціею звѣроподобный *Алтынъ бай*, первый мой хозяинъ, дѣйствительно хопѣлъ остановить кровь, лившуюся изъ головы моей.

На претій вечеръ приготовлено было нѣсколько салныхъ шоненькихъ свѣчекъ (сирахъ), нарочно расплавленныхъ въ двухъ чанкахъ, насыпанныхъ землею и пескомъ; сверхъ сего лежали пушь мершвая ворона чернаго цвѣша, дыня и тыква. Зажгли свѣтильники, и пошли изъ кибишки на улицу. Баксы, упомянутый нѣкопорьями изъ преждеучиненныхъ имъ дѣйствій, несъ мершвую ворону; за нимъ, по порядку, несли

дыню и пыкву; по споронамъ шли съ факелами. Вышедъ изъ кибитки, Киргизцы произвели великій крикъ, и бросивъ на улицъ несенныя ими вещи, возвратились въ кибитку. Большая въ шо время лежала на своемъ мѣстѣ на спинѣ, какъ обыкновенно кладушь покойниковъ, покрывая бѣлою холстиною. Баксы, по совершеніи споль важнаго дѣйствія, съѣлъ у ногъ ея, и началъ играть на кобызѣ, съ обыкновеннымъ своимъ припѣвомъ, покачиваясь въ разныя стороны. Въ сіе время, грудь Темиры чрезвычайно воздымалась, приворавливаясь къ напѣву слѣдующихъ словъ: *Тартъ, жанымъ тартъ!* и къ кобызному скрипу. Въ продолженіе нѣкошораго времени дошла Баксы до шакого изсшупленія, что повалясь назадъ, ошолбенѣла какъ сваленное въ лѣсу дерево: лице его поблѣднѣло какъ полошно, въ зубахъ происходило скрежетаніе съ клубившеюся изъ рта пѣною; но шо показалось для меня удивительно, что и у больной замѣтны были подобныя припадки.

Полежавъ такимъ образомъ минушь пять, поднявъ онъ былъ Киргизцами, и исподоволь образумляясь, начиналъ играть и припѣвать жалостнымъ тономъ: *ой Темирумъ, Темирумъ*, прорекая ей свое мечтаніе; больная же въ сіе время какъ будшо бредила.

На четвертый, пятый, и до девяшаго дня происходили подобныя собранія. Въ послѣдній вечеръ, сверхъ многихъ шакого жъ рода пустыхъ и вздорныхъ операцій, снарадся онъ произвестъ въ больной рвшу пишь емъ великаго количества шеплой воды и куреніемъ шабаку. Поелику молодая женщина была одержима судорожною болѣзнію, шо и производимыя Баксою операціи впушь не ошались: больная выздоровѣла. Однакожъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, болѣзнь оняшь оказалась, почему и не могу утвердительно сказать, дѣйствовала ли сколько нибудь Баксы къ облегченію ея, или болѣзнь ея сама имѣла періодическое теченіе. Впрочемъ въ опровергаю шпаннаго сего леченія, кошорое въ судорожныхъ болѣзняхъ, по подобію Месмеризма, можеть произвестъ нужное и полезное прошивураздраженіе.

Когда же замѣнять, что ни Даргиръ, ни Баксы въ опасныхъ и смертельныхъ болѣзняхъ нимало не помогаюшь, шогда собираюшься жишели всего аула, а паче родсшвенники, и просиживаюшь при больномъ цѣлыя ночи. Если не случишь ни какой духовной особы (кошорыхъ вообще въ Киргизской степи весьма мало), шо и простой Киргизецъ или Киргизка чипаешъ на память нѣкошорые стихи или молишвы въ

Алкорана, и по прочтении каждого стиха, дуешь больному в лицо. Самъ же больной, будучи еще в памяти, пьетъ на распѣвъ, вмѣсто обыкновеннаго оханья: *ой Аллай май*, (ахъ, Боже мой!) и пр.

Пожилые люди дѣлають какое нибудь завѣщаніе не только своимъ женамъ и дѣтямъ, но даже и всему собирающемуся при семь случай народу, напр.: одинъ изъ умиравшихъ сдѣлалъ такое завѣщаніе, что ежели кто будетъ переходить гору, на копей которой находится бруски или осеки, то не забудь бы взять ошшуда съ собою сего почильнаго камня, кошорымъ бы можно было нашочить ножъ для рванія мяса, или *пятипалой ясты* (бисъ бармакъ) въ случай гощепримства. При рѣкѣ Сырь есть гора, содержащая въ себя помянутые камни, и по сему обстоятельству она названа *Тагасаръ*.

Какъ скоро спраждающій скончается, то вдругъ поднимають ужасный крикъ и вой, производимый по крайней мѣрѣ пятидесятью челоувками обоого пола, такъ, что у слушателя волосы дыбомъ стануть. Желаютіе показать при семь случай свое усердіе, ревушь необычайно; своенравныя женщины рвушь на себя волосы, бьютъ кулаками себя въ груди, царапають себя лице, и проч.

Ежели случится больному скончаться ввечеру, то такое плачевное гнѣе продолжается во всю ночь до самаго разсвѣта. Усопшихъ обмывають водою, и завернувъ въ холстину, кладушь въ нарочно вырытую яму, головою къ сѣверозападу, такъ, чтобы сверху непосредственно земля на немъ не лежала. Въ семь намѣреніи, либо въ глубинѣ ямы подрываються въ бокъ, либо просто кладушь поперегъ могилы камышь или хворостъ, а послѣ заваливають ее землею, оставая всегда какой нибудь значекъ. Таковыя могилы суть только временныя или часныя. Въ другомъ случай, когда кочуютъ близъ какого нибудь общаго кладбища, тогда въ немъ погребають усопшее тѣло. Житочные люди, или и бѣдные разбогашьвъ, переносятъ прахъ изъ временнаго кладбища въ вѣчное, или такъ называемое общее, и здѣсь по доспашку воздвигають кирпичные, или каменные мавзолеи, (мазарка).

Славныя кладбища (мула), или такъ называемыя у нихъ святыя мѣста (авла), находящія большею частію около рѣкъ. — При выносі усопшаго читають небольшую молитву и безъ дальнихъ церемоній погребають. Въ седьмой и сороковой день дѣлають поминовенія усопшему; по прошествіи жъ года соспавляютъ поминки, ко-

порья гораздо бывають превосходнѣе и великолѣпнѣе первыхъ. Въ древнія времена сказываютъ, будто клали въ могилу съ усопшимъ нѣкоторыя вещи, какъ шо: рашную збрую, ножъ, брусокъ, огниво, кремьнь, шило, иголку, нитки, сухія жилы и пр.; но нынѣ такое обыкновеніе по недосыашку выходитъ изъ употребленія.

При шрудныхъ родахъ, также какъ и при опасныхъ болѣзняхъ, собираются Киргизцы обоого пола, въ присушествіи кошорыхъ роженица должна разрѣшиться отъ своего бремени, либо въ шлгчайшемъ мученіи окончить преждевременно жизнь свою.

Свадебныя и другіе сими подобныя обряды исправляютъ они по Ташарскому обыкновенію, развѣ съ малою шолько разностию.

Когда Киргизцы обрѣзываютъ ногти или волосы, шо шщательно стараются всѣ обрѣзки собрать; пошомъ берутъ какой нибудь прушкъ или праваной сшебелекъ, кошорый изрѣзавъ мѣлко, смѣшываютъ съ обрѣзками и закашываютъ въ землю. Бѣда, если опрѣзокъ отъ ногтя или волосъ попадетъ въ какое нибудь кушанье: хопя бы сіе и сухое было, напр. пшею и пр., шогда все бросають на землю.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Замѣчанія на небольшую Шведскую Поэму
подъ названіемъ: Аксель.

Карль XII, возбудившій отважный энтузіазмъ своего народа, не переслалъ еще бытъ предметомъ удивленія и почитанія Шведовъ. Причина сему, можетъ бытъ, скрывается въ томъ, что по внушенію, ему врожденному, онъ умѣлъ постигнуть духъ народный, и сообразовался съ онымъ лучше другихъ Государей, прежде и послѣ его въ Швеціи царшвовавшихъ. Подобно древнимъ Скандинавамъ, Шведы нынѣшнихъ временъ всегда жаждутъ чести, и подлѣ баснословныхъ героическихъ преданій Бардовъ своихъ, спавяшъ подвиги, приключенія и романтической характеръ Карла XII. Они забываютъ зло, причиненное Швеціи его побѣдами, паденіе Государства, бывшее слѣдствіемъ его войнъ худо обдуманыхъ, напрасныя обѣщанія о щещныхъ предпріяшіяхъ, и видяшъ только одну его славу и добродѣтели. Тыни картины оспаютъ незамѣченными, или ошдаются въ жершву острому взору спрогихъ Историковъ; но красоты оной оспа-